

ВЕСТНИК
государственного
университета
«Дубна»

#1 2022

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

В номере:

Цивилизационные
приоритеты и вызовы

Вопросы психологии

Креативные индустрии –
человек играющий

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук – главный редактор

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – заместитель главного редактора

Кравченко А.Л., аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук – редактор, ответственный секретарь

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета кафедры

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ "Научного центра психического здоровья"

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России», сектор социальной философии ИФ РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы РГСУ

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Выпускающие редакторы номера – **Н.Г. Багдасарьян**, доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

А.Л. Кравченко, аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна».

Содержание

Цивилизационные приоритеты и вызовы

- Король М.П. Иерархия Российских пространств или новые конфигурации неравенства* 3
- Король М.П., Петрова И.В. Формирование личности в парадигме ноосферного образования: требования современности?* 10
- Осинов А.М. Глобальные противоречия и цивилизационные приоритеты России* 20
- Кувыркова Е.А., Шпак М.А. Медиарепрезентация протестной активности: сравнительный анализ приемов информационно-психологического воздействия* 26

Вопросы психологии

- Шмидт Б., Хозиев В.Б. Теоретические и эмпирические модели родительства при детском аутизме (РАС). Часть I* 37
- Шмидт Б., Хозиев В.Б. Теоретические и эмпирические модели родительства при детском аутизме (РАС). Часть II* 51

Креативные индустрии – человек играющий

- Дубовская И.Н., Светош К.А. Потенциал креативных индустрий как драйвера культурной дипломатии в России в XXI в.* 65
- Дмитренко М.С. Game Studies: становление, эволюция и перспективы новой области научных исследований* 77

УДК 304.9

М. П. Король

Иерархия Российских пространств или новые конфигурации неравенства

Аннотация:

Скорость перемен в столицах, крупных индустриальных городах нарастает быстрее, чем в провинции, приводя к гетерогенности формально единого пространства. Модель «ядро – периферия», при всей условности, воспроизводя пространственную и социокультурную дифференциацию, способствует лучшему пониманию разломов и неравенств российского общества. Данная модель экстраполируется на осмысление проблемы использования пространства России как одного из способов, если не разрешения, но смягчения социального кризиса, вызванного целым комплексом факторов общественного развития.

Ключевые слова: пространство, модель «ядро-периферия», центр, провинция, мегаполисы, «болезни городов», пространственная дифференциация, миграция, дезурбанизация.

Об авторе: Король Марина Петровна, доцент, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: marina.korol4@gmail.com

Базовая философская категория «пространство» обладает обобщающим и интерпретационным потенциалом. Существуют различные типологии пространства как многофакторного и многовариантного явления. Так, например, М. Фуко признавался, что планировал написать «целую историю различных пространств (которая одновременно была бы историей различных видов власти), начиная с больших геополитических стратегий и заканчивая мельчайшими тактиками по условиям расселения, историю архитектуры учреждений, классной комнаты или больницы, проходя через способы хозяйственно-политической дифференциации» [8, с. 224]. Он считал, что современную эпоху следует анализировать с позиций пространства, т.е. места и местоположения.

В этой связи, можно обратиться к модели «ядро - периферия», в классическом виде разработанной Джоном Фридманом, которая обладает универсальной экстраполируемостью [11]. При всей условности она, воспроизводя пространственную и социокультурную дифференциацию, способствует лучшему пониманию разломов и неравенств российского общества.

Определим, что под «ядром» мы будем понимать города-миллионеры, назовем их условно мегаполисы. Необходимо оговорить данную условность, поскольку одним из критериев мегаполиса выступает численность населения, чьи параметры варьируются от 25 млн до 10 млн человек. В России только численность Москвы по данным Росстат составляет 12480481, что позволяет отнести ее к категории мегаполисов. Далее следует Санкт-Петербург с населением 5398064 и Новосибирск с населением 1620162 человек [9].

Мегаполисы играют значимую роль исторических, культурных, образовательных и торговых центров региона или страны в целом, они многофункциональны и многопрофильны, имеют развитую сеть социальной инфраструктуры, высокую плотность застройки, наличие одновременно нескольких видов городского транспорта, включенность в общегосударственные транспортные сети. Они как некие анклавности глобальности, где возможности «получить доступ к социально значимым ресурсам (источникам дохода, рабочим местам, инфраструктуре, институтам и сервисам, общению, групповой поддержке) существенно превосходят даже те социальные пространства, которые непосредственно окружают мегаполисы» [2, с. 46]. Мегаполис представляет собой многослойное пространство «встречи акторов из различных миров, в котором нет жестких правил взаимодействия» [6, с. 92].

Таким образом, мегаполис – это пространство, которое представляет собой некий индикатор внутренних конфликтов и различий, где социальная жизнь структурируется потоками людей, денег, товаров, информации, «а условия жизни в отдаленных городах и селах, не вовлеченных в сети и потоки, настолько радикально отличаются, что делают их внеглобальными или антиглобальными социальными пространствами» [2, с. 46]. Поэтому можно констатировать, что периферия, как многомерное пространство, состоящая из жителей сел, малых и средних городов, малых территорий внегородской России – это «совокупность территорий, находящихся на достаточном удалении от административно-политического и культурного центра (центров) государства, а также точек инновационного экономического роста и несущих на себе отпечаток зависимости и вторичности в воспроизводстве социальных практик и отношений» [5, с. 61].

Однако процессы современной социокультурной динамики изменяют традиционное представление о периферии как пространстве, только ограниченном потоками материальных и социальных благ, открывая новый ракурс неравенства, темпорального неравенства. Фокус анализа смещается с традиционного количественного разрыва между «имеющими больше» и «имеющими меньше» в направлении временного лага между «получающими сейчас» и «получающими позже». Эти временные лаги дифференцируют доступ к материальным, человеческим и символическим ресурсам и в особенности к такому символическому ресурсу, как престиж опережающего потребления» [3, с. 134, 136].

Трансформации социально-хозяйственных структур российской провинции наглядно демонстрирует смену парадигм развития многих сельских территорий. Поселенческая наполненность сел и деревень ослабевает, заброшенные деревни с малым количеством постоянных жителей или даже вовсе без них, разрушенные и сгнившие крестьянские дома, заросшие подлеском поля и брошенные фермы стали неотъемлемой частью местных ландшафтов. Безусловно, распад территориальной структуры уходит своими корнями еще в советский период, когда в процессе активной урбанизации шел отток населения в растущие города, и центростремительная миграция лишь усилилась в постсоветское время.

Разделение России на «ядро» и «периферию» или «центр» и «провинцию», строится на их противопоставлении друг другу и традиционно воспринимается массовым сознанием россиян, поскольку большая их часть – жители провинции. Однако можно заметить, что острота этого противопоставления начала нивелироваться с 1990-х гг. вследствие ряда факторов: роста трудовой мобильности россиян, развитием новых макрорегиональных центров экономического роста, таких, например, как Санкт-Петербург, Краснодар, и конечно же с развитием информационных технологий и Интернета, которые создают единое информационное пространство.

Между тем, социокультурные реальности информационного общества формируют у россиян представления о неравномерности и неоднородности пространств России «уже не в терминологии системного конфликта, а в понятийных конструктах жизненного успеха и шансов его достижения – как с точки зрения их неравенства для жителей «центра» и «провинции», так и в отношении возможностей, которые мегаполисы предлагают всем амбициозным провинциалам» [5, с. 62].

В каком городе в нашей стране лучше всего развивать собственную карьеру? Сервис «Работа.ру» представил данные проведенного опроса: 59% респондентов, вне всякого сомнения, высказались по поводу столицы нашей родины Москвы. Санкт-Петербург – 32%. Краснодар и Сочи вместе набрали 50%. Далее целая группа городов: Екатеринбург, Казань, Новосибирск, Ростов, Нижний Новгород, Самара – от 20 до 10%. В эту группу попал и Хабаровск [7]. И хотя миграция – это «неизбежное следствие современного образа жизни с его извечной заботой о порядке экономического прогресса; эта забота оборачивается непрерывным производством «избыточных людей», которым не находится работы или терпимых условий жизни, а потому вынуждены искать убежища или лучшей доли вдали от дома» [1, с. 81].

К причинам интенсификации территориально-образовательной и трудовой мобильности из провинции в крупные города можно отнести: узость рынков труда, низкий уровень зарплат в большинстве отраслей региональных экономик, проявления клановости, неудовлетворенность условиями получения качественного образования.

Кроме того, миграционные устремления в крупные города во многом обусловлены еще и тем, что люди стремятся получить шанс повысить уровень и качество своей жизни. Социальное пространство мегаполисов измеряется не только уровнем дохода и потребления, доступностью социальных сервисов, но и наполненностью жизни, которая «измеряется насыщенностью личного опыта участием в потребительских и социокультурных трендах, креативностью и мобильностью деятельности, а в общем, плотностью сетей и интенсивностью потоков, структурирующих текущее существование людей в режиме дополненной социальной реальности» [2, 52].

В мае-июне 2018 г. в Белгородской и Воронежской областях был проведен массовый анкетный опрос, результаты которого показали, что готовность к отъезду из своего региона на длительный срок или навсегда демонстрируют почти 2/3 опрошенных (среди молодежи – до 9/10) [5]. Хотя полученные данные не репрезентативны применительно ко всей России, но выбранные регионы достаточно типичны, поскольку их экономические и демографические показатели близки к общероссийским. Можно предположить, что принципиально эти цифры не изменились за истекшее время, хотя пандемия COVID-19 и усугубила положение дел. Так, известный американский теоретик Р. Флорида отметил, что города всегда восстанавливались и становились сильнее, чем были. После эпидемии люди стремились в города из-за более высокой оплаты труда и лучших рабочих мест.

Однако стремительный рост населения городов порождает массу социальных проблем, таких как транспортные пробки, городская преступность, различия в доходах, вопросы занятости и лечения, стоимость квартир и т.д., усугубленных «проблемами окружающей среды, принесенные дисбалансом в отношениях человека и природы, т.е. разрушением и загрязнением таких необходимых условий для жизнедеятельности человечества, как вода, воздух и почва» [10, с. 109]. Весь этот комплекс проблем обозначается как «болезни городов».

Пространство мегаполисов заполняют небоскребы, эстакады, супермаркеты, скоростные автострады, делая его все более однообразным и технократичным, словно создавая механическую одинаковость. Трудно, глядя с внешней стороны на современный мегаполис, увидеть культурные отличия различных районов. Городское однообразие, разрушая культуру городов и их память, придает новую форму «болезням городов», которое проявляется в таких психических заболеваниях людей, как бессонница, подавленность, депрессия. С возрастанием однообразия мегаполисного пространства ритм жизни становится более стремительным, образ жизни копируется людьми друг у друга, все более ввергая их в состояние несоответствия желаний имеющимся возможностям. Поэтому вполне обосновано, что в научные сообщества и на публичные арены все чаще выносятся вопросы о возможности и перспективе проектирования «жизни после города», «в частности актуализируются проблемы обратной миграции и дезурбанизации как особого направления пространственного движения населения и соответствующей трансформации образа жизни» [4, с. 55].

Соответственно одной из главных причин дезурбанизации выступают риски и неудобства жизни в мегаполисе и связанные с ними проблемы: «избыточные люди», пробки, преступность, психологический прессинг, экологические кризисы и др. Все это в совокупности с потребностями в качестве окружающей среды и стабильной рекреации вынуждают жителей мегаполисов задумываться о переезде во внегородские пространства. За последние годы в поисках более безопасной локации наметились серьезные изменения, связанные с развитием телекоммуникаций и гибкой удаленной занятости, мобильной медицины и онлайн образования, а также существенный прогресс в технологическом обустройстве быта на современном уровне.

И тем не менее, российское общество продолжает воспроизводить модель «ядро-периферия» как дифференцированного пространственного развития, в которой центр интегрирует наиболее передовые технологические и социальные достижения,

противопоставляя себя огромной периферии – совокупности отдаленных и слаборазвитых территорий с замедленной модернизацией, которая «остается преимущественно источником ресурсов (трудовых, интеллектуальных и пр.) для ограниченного количества точек роста и инноваций в стране» [5, с. 70].

На повестку дня научного прогнозирования выносится вопрос первостепенной важности: возможно ли преодолеть распад гетерогенности формально единого пространства, связанного с процессами урбанизации и центростремительной миграцией в мегаполисы, обустроив российскую провинцию для сохранения человеческого потенциала, социальной и хозяйственной инфраструктуры? Очевидно, что нахождение выхода из данного положения может стать одним из способов, если не разрешения, то смягчения социального кризиса, вызванного целым комплексом факторов общественного развития России.

Библиографический список:

1. Бауман З. Ретротопия / Зигмунт Бауман; пер.с англ. В.Л. Силаевой; под науч. Ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
2. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и повиртуализации // Социологические исследования. 2020. №5. С.44–55.
3. Иванов Д. В. Структуры социального неравенства в условиях глэм-капитализма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. №4 (81). С. 126-143.
4. Покровский Н. Е. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации / Н. Е. Покровский, А. Ю. Макшанчикова, Е. А. Никишин // Социологические исследования. 2020. №12. С. 54-64.
5. Реутов Е. В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей Российской провинции / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, И. В. Шавырина // Социологические исследования. 2020. №6. С. 63-71.
6. Романова А. П. Типология гетеротопий и «другое» пространство России // Вопросы философии. 2018. №1. С. 89–95.
7. Российский ученый о том, как пандемия повлияла на людей, экономику, управление государством [Электронный ресурс] // Реальное время. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/199858-natalya-zubarevich-o-vliyanii-pandemii-na->

[ekonomiku-stranyhttps://realnoevremya.ru/articles/199858-natalya-zubarevich-o-vliyanii-pandemii-na-ekonomiku-strany](https://realnoevremya.ru/articles/199858-natalya-zubarevich-o-vliyanii-pandemii-na-ekonomiku-strany) (дата обращения: 25.04.2022).

8. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. 384 с.

9. Численность и миграция населения Российской Федерации. 2021. №1 [Электронный ресурс] // Eastview. Режим доступа: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/69912967> (дата обращения: 20.05.2022).

10. Чэ Ю. Использование пространства и болезни городов: взгляд современного марксизма // Социологические исследования. 2021. № 4. С.107-117.

11. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. Cambridge: MIT Press, 1966. 279 p.

Korol M. P. Hierarchy of Russian spaces or new inequality configurations

The speed of change in the capitals, large industrial cities is increasing faster than in the provinces, leading to the heterogeneity of a formally unified space. The core-periphery model, despite all conditionality, reproducing spatial and socio-cultural differentiation, contributes to a better understanding of the faults and inequalities of Russian society. This model is extrapolated to the understanding of the problem of using the space of Russia as one of the ways, if not to resolve, but to mitigate the social crisis caused by a whole complex of factors of social development.

Keywords: space, «core-periphery» model, center, province, megacities, «diseases of cities», spatial differentiation, migration, deurbanization

УДК 37.032

М.П. Король, И.В. Петрова

Формирование личности в парадигме ноосферного образования: требования современности?

Аннотация:

Стремительно развивающиеся технологии XXI в. влекут за собой неоднозначные последствия для общественного развития, связанные с рисками и угрозами формирования человека как некой единицы социотехнического ресурса. Цивилизационный кризис побуждает осознать, что преодолеть уязвимости социума, направить его траекторию в русло устойчивого развития, возможно, создав новую модель образования. Парадигма учения – одна из основополагающих основ формирования личности и общества. В содержании компонентов парадигмы учения ноосферного образования заложен потенциал, который может способствовать созиданию нового уровня развития человеческой цивилизации.

Ключевые слова: кризис образования, тренды образования, ноосферное образование, парадигма учения, компоненты парадигмы.

Об авторах: Король Марина Петровна, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: marina.korol4@gmail.com

Петрова Ирина Васильевна, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: piterlic@mail.ru

Процессы трансформации общественного развития во многом обусловлены развитием современных технологий, которые стремительно изменяют социокультурную реальность. Однако цепная реакция самых разных технологических инноваций, которые связаны с преобразующей силой конвергентных НБИК–технологий, обещающих глобальные изменения самого способа развития человеческой цивилизации, лишённые социогуманитарной экспертизы, влекут определённые риски для человечества. Проблема

поиска ответа на вызовы и латентные угрозы, связанные с формированием техногенной цивилизации, заставляют обратиться к образованию как социальному институту, который выступает системой отношений и взаимосвязей, призванных удовлетворять потребности общества [7].

Можно выделить несколько характерных особенностей, которые оказывают влияние на современную систему образования. Во-первых, интенсивность изменений во всех сферах общественного развития актуализирует перед образованием целый комплекс вопросов, в частности: «Чему и как учить, ведь будущее становится всё менее определённым?» Во-вторых, Интернет, обладая гипертекстуальностью, выступает как принципиально открытая система текстов, выполняет функцию запоминания и хранения информации, становясь глобальной памятью человечества. Необходимо не только ориентироваться в этом потоке и научиться классифицировать информацию, но и определять, что именно необходимо запомнить, а к чему вернуться при необходимости. В-третьих, процесс цифровизации, ставший знаком современности, формирует новые форматы обучения – онлайн и дистанционное, которые проявили свою эффективность в период кризиса, связанного с пандемией COVID–19.

Однако внедрение цифровых технологий в образовательную практику сопряжено с целым рядом проблем не только поиска новых методик обучения, но и психолого-педагогического плана, влияния цифровых технологий на здоровье и психику обучающихся [16]. Поэтому современная педагогическая наука в поисках ответа на эти вопросы разрабатывает новые стратегии образовательных практик, составляющими которых выступают:

- гуманитаризация образования;
- открытое образование;
- непрерывность образования;
- самообучение;
- переход к интерактивным методам обучения.

Безусловно, эти стратегические направления играют свою значимую роль в создании новой модели образования, соответствующей особенностям развития общества. Но достаточно ли только этих направлений для решения всего спектра возникающих вопросов?

Кризис системы образования в контексте цивилизационного кризиса

Парадигма образования и тип общества взаимосвязаны и взаимообусловлены. С одной стороны, парадигма образования выступает совокупностью компонентов, признанных и применяемых педагогическим сообществом, оказывая влияние на формирование личности и тем самым на общество. С другой стороны, компоненты парадигмы формируются исходя из задач, востребованных обществом. Таким образом, система образования формируется в соответствии с типом существующего общества и несколько отстаёт от темпов его развития. Кроме того, образовательные программы составляются в среднем на 10 лет, а темпы изменения современного общества под влиянием цифровых технологий становятся всё стремительнее, что увеличивает разрыв, погружая систему образования в состояние кризиса. Поэтому можно констатировать, что кризис образования – это социальная проблема, которая стала предметом обсуждения, вышедшая за рамки научно-педагогических дискуссий на публичные арены.

Современный кризис системы образования можно рассматривать с точки зрения того, что она переживает состояние поиска путей обеспечения раскрытия человеческого потенциала через формирование устремленности личности действовать в условиях преодоления, если таковые нарушают его естественную, нравственную потребность в самореализации. Так, новые магистрали в образовании могут открыть возможность обеспечить на практике реализацию провозглашенных гуманистических принципов.

Важно понять, что кризис образования тесно взаимосвязан с общим цивилизационным кризисом. Его корни уходят в глубь истории человечества и во многом определены феноменом развития человеческого сознания. Исторически сложившийся тип левополушарного (дискурсивно–логического) мышления стал доминирующим с конца V в. до н.э., и выступает господствующим у современного человека [6].

Сложившийся дисбаланс в сторону дискурсивно–логического мышления, нарушение баланса природных возможностей человека приводит к дисгармонии целевых установок в человеческой деятельности. Это во многом предрешает цивилизационный кризис. Технократическое русло становления общества определяется такими ценностями как прагматизм, атеизм, материалистическое мировоззрение, смещая ценностную доминанту личности в сторону культуры потребления и личной выгоды. Девальвируются понятия «гуманизм», «одухотворённость», «мораль», которые предполагают баланс и ориентацию человека не только на свои интересы, но и интересы грядущих поколений, природы и общества.

Ноосферное образование – вектор в будущее

На протяжении столетий изучение биосферы, литосферы, гидросферы находилось в центре внимания ученых. Со временем умопостижение закономерностей действительности и конструирование целостной системы представлений об общих свойствах окружающего мира расширяет диапазон науки до выявления закономерностей развития антропосферы, инфосферы, психосферы, фоносферы, ноосферы.

Еще в 1927 г. французский учёный Э. Леруа ввёл термин ноосфера. О ноосфере писали российский учёный В. И. Вернадский и французский учёный Т. де Шарден, развивая это понятие до необходимости и неизбежности вхождения планеты Земля в эпоху ноосферы. По разным оценкам существует более 200-300 определений этого многомерного понятия. Например, ноосферу можно рассматривать как новое эволюционное состояние биосферы, непротиворечиво объединённое со сферой человека (антропосферой) на базе духовно-разумного понимания генетического единства Мира и его Всеобщих Законов [12].

В нашем понимании ноосфера – этап и среда сбалансированного объединения одухотворённого разума общего и частного, интеллекта и души, мировое сообщество смыслов, познаваемых пошагово одухотворённым человеческим сознанием [3]. При этом мышление человека целостно (работают оба полушария мозга), его разум – органическое единство интеллектуального разума, высокой души и духа, направляющего человека на достижение его высших потенциальных возможностей и выполнения жизненного предназначения на Земле [12].

Данные положения дают основание предположить, что ноосферная личность не может сформироваться в существующих парадигмах образования, которые не позволяют совершить грандиозный (квантовый) переход к новому, ранее неведомому этапу развития человечества. Очевидно, что необходима соответствующая иная, ноосферная парадигма образования, которая будет способствовать формированию опережающего вектора развития всей системы. Как некогда заметил С. Гроф, «Люди – важные посредники эволюции, а не беспомощные ее объекты, они сами и есть эволюция» [12, с. 13].

Для осуществления такого перехода, подвижниками ноосферного образования создана прочная научно-методологическая база. В основу методологического базиса заложена теория Творения и генетического энергоинформационного единства Мира, академика Б. А. Астафьева, системы Всеобщих Законов Мира, законов человеческого общества, законов познания/постижения академика Н. В. Масловой Н.В [2; 15; 14]. Весь

этот базис объединяет системология, теория проектирования и управления устойчивым развитием [8]. На этом базисе выстраивается методология ноосферной педагогики: система специальных законов образования, система законов психики человека, законы информатиологии и естественных наук, системы законов развития человека [13; 1; 5]. Таким образом, ноосферное образование формируется в русле междисциплинарности.

Предпримем попытку рассмотреть и описать ноосферное образование как парадигму учения для формирования личности, способной осуществить переход к ноосферному этапу эволюции. С этой целью проанализируем компоненты парадигмы учения (ценности, мотивы, нормы, цели, позиции участников учебного процесса, формы и методы, средства, контроль и оценка) в динамике их развития от индустриального общества к постиндустриальному и далее к этапу ноосферного перехода, с учётом возможных рисков технократического общества.

Ценности

Для парадигмы учения в индустриальном обществе определяющим было учение для общественного производства, в постиндустриальном – учение для самореализации в жизни и личной карьере. Однако жизнь много больше, чем просто карьера. Технократическое общество с его прагматическими ценностями способно выжать человека до «последней капли». Ноосферный подход позволит личности и социуму опираясь на цикличность процессов природы человека и общества совершать осознанные выборы находя баланс между единствами и борьбой противоположностей [3].

Цели

С изменением ценностей меняются и цели образования. От приобретения научных знаний в индустриальном обществе к учению о человеческой культуре и приобретению компетенций в постиндустриальном. Можно предположить, что технократическая доминанта и цифровая культура сместят акцент в сторону «жёстких» компетенций (hard skills), подавляя и обесценивая духовно-смысловые способности и «мягкие» компетенции (soft skills). Целями ноосферного образования выступают экологичное, духовное, интеллектуальное и практическое взаимодействие человека с Природой и одухотворение разума личности, деятельности, целей жизни человека [12]. Стоит отметить, что реализация этих целей сделают необходимость учиться в течении всей жизни естественным желанием, а не жизненной необходимостью [11].

Мотивы

При переходе к постиндустриальному обществу учение из обязанности, каковым оно было в индустриальном обществе, должно стать интересным для обучающегося и приносить ему удовольствие от достижения результатов. И мотивация самих педагогов трансформируется от необходимости просто исполнять свои обязанности к заинтересованности в развитии обучающегося и удовольствии от общения с ними. Заметим, что мотивы как компонент парадигмы учения «застрял» в практике массового образования в переходе от индустриального типа общества к постиндустриальному [4]. Поскольку темпы изменения реалий жизни и требования к образовательной деятельности возрастают, педагоги и ученики испытывают колоссальные нагрузки, которые усугубляет кризис образования. Учителя уходят из профессии, ученики воспринимают учение как тягостную неизбежность [10].

В ноосферном образовании мотивацией в деятельности педагога выступает стремление развивать не только левополушарное, но и правополушарное (эмоционально-интегративное) мышление, связанное с долговременной памятью, способного обеспечивать чувственное восприятие, что создает позитивные доминанты, побуждая к творчеству. Совместное творчество педагога и учащегося приносит результат без отрицательных эмоций и агрессивно оборонительных реакций [6].

Нормы

В индустриальном обществе авторитет педагога поддерживался благодаря дистанции, требуя от учащихся дисциплины и усердия, ответственность за обучение нес только педагог. В постиндустриальном обществе ответственность за свое учение принимают обучающиеся, а авторитет педагога создается за счет его личностных и профессиональных качеств. Нормами ноосферного подхода выступает сотворчество, взаимная ответственность, умение трансформировать свои негативные состояния, природосообразная мыследеятельность, умение использовать свои ресурсные состояния и резервные возможности тела, энергий, души, интеллекта и духа.

Позиции участников учебного процесса

В парадигме учения индустриального общества педагог передавал знания. В постиндустриальном обществе педагог становится партнёром, он создаёт условия для самостоятельного обучения. В цифровом обществе с внедрением технологий искусственного интеллекта все более нарастают тенденции к замене педагога ботами, видеоуроками, электронными учебными курсами, что несет в себе скрытые угрозы,

поскольку, как писал В. И. Вернадский, «мысли человека – геообразующая сила», педагог – живой пример этой силы для учащегося [12, с. 14]. Для ноосферного образования живое взаимодействие учителя и ученика, единственная возможность учения, он камертон целостного мышления, природосообразного духовного сознания и планетарно-космического мировоззрения» [17].

Это достигается благодаря биоадекватным методикам, поскольку словесный информационный канал контролируется левым полушарием, а голос, его тембр, интонации – правым. Правое полушарие настроено на контроль и восприятие эмоций и создаёт целостный образ со всеми подробностями. Благодаря этому ученики бессознательно мгновенно улавливают и оценивают эмоциональное и физическое состояние учителя. Даже если учитель умело скрывает раздражение, усталость, у учащихся бессознательно активизируются ориентировочные оборонительные реакции, которые блокируют восприятие информации, это ведёт к нарушению дисциплины, поэтому биоадекватные методики позволяют установить естественный баланс взаимодействия всех участников учебного процесса [6].

Формы и методы

Со сменой типа общества меняются формы и методы обучения. На смену стабильным формам и структурам учебных дисциплин в парадигме учения индустриального общества приходят динамичные формы и методы постиндустриального. Это положительная творческая динамика, вполне реализуема в определенной степени и в цифровом обществе. В связи с тем, что интегративные процессы включены центры преимущественно левого полушария, левополушарная личность отождествляет себя, своё сознание только со своим телом, что существенно ограничивает человека. Необходимость смещения доминанты качества личности и общества в сторону природосообразности и биоадекватности форм и методов очевидна, поскольку именно при таком содержании возможно гармоничное устойчивое развитие общества и человека [11]. Ноосферное образование разрабатывает и применяет эти формы и методы обучения уже более 30 лет.

Средства

Учебная книга как основное средство учения дополнилось телекоммуникационными системами. При технократической цифровизации содержание средств обучения останется традиционно направленным на левое полушарие мозга, а при ноосферном подходе содержание будет существенно отличаться, поскольку все средства биоадекватные, направлены на развитие целостного мышления. Стоит отметить, что для

ноосферного образования природа является главным средством обучения, её целостной гармонией наполняются все средства обучения.

Контроль и оценка

Если в парадигме учения индустриального общества традиционно контроль и оценку осуществлял педагог, то в постиндустриальном обществе возрастает роль самооценки и самоконтроля. Можно предположить, что цифровые технологии со временем возьмут эти функции на себя. Только от типа парадигмы учения зависит как будут оцениваться и контролироваться творческие составляющие [9]. Современный кризис цивилизации и как его проявление кризис образования – есть кризис мышления человека, точнее, левополушарного типа мышления. Кризис мышления состоит в неприродособразной эксплуатации цельного человеческого органа – мозга, в то время как другие симметрические органы человека работают гармонично. Дисфункция правого полушария мозга привела к дисгармоничной работе цельного органа, что не отвечает принципу экологической целесообразности. Поэтому современный кризис системы образования закономерен, а не случаен.

Однако вышеизложенные размышления дают основание думать, что кризис возможно преодолеть, изменив образование на основе создания парадигмы учения, которая предполагает формирование целостного мышления и ноосферного мировоззрения обучающихся. В структуру базовых компонент парадигмы учения ноосферного образования входят:

- доминирующая мотивация интереса и творчества;
- внимание произвольное и непроизвольное;
- память долговременная и кратковременная;
- система восприятия неспецифическая и специфическая;
- основная эмоция – удовольствие;
- вовлеченность всех органов чувств;
- активация центральной нервной системы первого и второго типа;
- вовлеченность центрального и периферического зрения;
- целостный тип функциональной системы;
- целостное, интуитивно-образное мышление.

Парадигмы учения и их компоненты традиционно отвечали запросам общества и формировались под его нужды. Современное общество вновь переживает структурный кризис как никогда обостривший вопрос устойчивого развития. Может быть, пришло

время найти ответ на знаменитый вопрос академика Н. Н. Моисеева: «Быть или не быть человечеству?», осознав, что процесс сохранения динамического равновесно–гармонического развития природы–общества–человека возможен, если будет внедрена ноосферная парадигма учения, способная находить баланс личности, общества и человечества при стремительно развивающихся технологиях.

Библиографический список:

1. Антоненко Н. В. Периодическая система специальных законов психики человека / Н. В. Антоненко. М.: Институт холодинамики, 2007. 45 с.
2. Астафьев Б. А. Теория творения и генетического единства мира. М.: Институт холодинамики, Люберцы, 2010. 672 с.
3. Вернадский В. И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. – М.: Феникс, 1997. 576 с.
4. Балицкий И. И. Инновационная образовательная политика как фактор модернизации российского общества // Социально-гуманитарные издания. 2013. №2. С. 74-86.
5. Брайко Л. И. Периодическая система законов здоровьеразвития и здоровьесбережения человека // Вторые международные системноэкономические чтения. Сборник докладов и научно-исследовательских работ. Киев, Ялта: КАНОН, 2012. С. 43-58.
6. Давыдовская Н. А. Биоадекватная методика преподавания глазами врача-невролога. М.: Традиция, 2021. 114 с.
7. Дианоме Вай-Веди. Ясна года. М.: Садко, 2021. 224 с.
8. Кузнецов П. Г. Наука развития Жизни: сборник трудов. Том IV. НИР «Эффективность». М., Дубна: Русское Космическое Общество (РКО) – Международная научная школа устойчивого развития им. П. Г. Кузнецова, 2020. 379 с.
9. Лилиенфельд-Тоаль П. Ф. Мысли о социальной науке будущего: Человеческое общество как реальный организм. М.: Либроком, 2012. 408 с.
10. Луман Н. Л. Общество как социальная система. Пер. нем. / А. Антоновский. М.: Логос, 2004. 232 с.
11. Мазунина Л. В. Периодическая система общих законов планеты Земля. М.: НАНО, 2013. 107 с.
12. Маслова Н. В. Ноосферный переход: от умного к духовному человеку и обществу. М.: Традиция, 2019. 166 с.

13. Маслова Н. В. Периодическая система законов образования. М.: Институт холодинамики, 2019. 179 с.

14. Маслова Н. В. Периодическая система общих законов познания и постижения. М.: Институт холодинамики, 2007. 179 с.

15. Маслова, Н. В. Периодическая система общих законов человеческого общества. М.: Традиция, 2019. 291 с.

16. Astafiev B. The constants (codes) of evolution of life's systems (Constants) // International information intellectual novelty registration chamber / Certificate-Licence. Registration № EIW 000187. Cipher 00041. Code 0005. January 29, 1996. Series MO. Register № 000087.

17. Pribram K. H. Some dimensions of remembering: steps toward a neuro-psychological model of memory // Macromoleculous and behaviour (ed. J.Gaito). New York: Academic Press, 1966. Pp. 165-187.

Korol M.P., I.V. Petrova Personality formation in the paradigm of noospheric education: the requirements of modernity?

The rapidly developing technologies of the 21st century entail ambiguous consequences for social development associated with the risks and threats of the formation of a person as a certain unit of a sociotechnical resource. The civilizational crisis encourages to realize that to overcome the vulnerabilities of the society, to direct its trajectory towards sustainable development, perhaps by creating a new model of education. The paradigm of teaching is one of the fundamental foundations for the formation of the individual and society. The content of the components of the paradigm of the doctrine of noospheric education contains the potential that can contribute to the creation of a new level of development of human civilization.

Keywords: education crisis, education trends, noospheric education, learning paradigm, paradigm components

УДК 316

А. М. Осипов

Глобальные противоречия и цивилизационные приоритеты России

Аннотация:

Российское общество и государство в 2022 г. оказались «вдруг» в новой ситуации. Меняется отношение государства к решаемым проблемам. Вопреки провозглашенной 35 лет назад интеграции России в так называемый «цивилизованный мир» (т. е. в капиталистическую систему), прежняя «холодная война» переросла в неостановимые и откровенные военно-техническое и экономическое подавление России, кибервойну. В статье представлен анализ актуальных социополитических противоречий в России и мире, описаны параметры феномена дезинтеграции современного общества, высказаны идеи для сохранения и развития российской цивилизации в XXI в.

Ключевые слова: кибервойна, капиталократия, цивилизационный выбор, бюрократология, мировая экономика, дезинтеграция.

Об авторе: Осипов Александр Михайлович, доктор социологических наук, профессор, научный сотрудник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, эл. почта: osipov.al58@gmail.com

Интеграция или партнерство, полноценно воплощающие интересы России, в ее новейшей истории были неосуществимы. Политические решения об интеграции России как особой цивилизации в мировые (а по сути находящиеся на содержании США или мировых лидеров капиталистического мира) структуры – Всемирный Банк, ВТО, ВОЗ, ПАСЕ, ОЗХО, ОБСЕ, Болонскую декларацию и др. принимались при забвении преемственности глобальной политики и истории XIX-XX вв.

Мировой рынок, куда элиты интегрировали Россию, обернулся при ее более решительном развороте к обеспечению своей безопасности не только санкциями, грабежом вывезенных «для сохранности» активов России (стоимостью в половину федерального бюджета) и блокировкой ее экспорта. Огромные по затратам Северные и Южный потоки, а также многие экспортно-импортные потоки, производственно-

технологические связи и их внутренняя инфраструктура обездвижены. Грабеж коснулся даже дипломатической недвижимости Российской Федерации, защищенной двухсторонними и международными конвенциями, и предметов искусства.

«Красной чертой», понятой пока далеко не всеми, стали военный геноцид марионеточного государственного режима и вооруженных формирований Украины против населения Донбасса и подготовка «ограниченной» войны (в том числе с применением биологического, химического и ядерного оружия) против России с территории части СССР, при мнимом неучастии НАТО. Начало спецоперации – это подобие упреждающей артиллерийской контратаки в Курской битве, реализованной по инициативе маршала Жукова. В этих контекстах ключевое слово – «вдруг», что в стратегическом управлении значит неспособность элит оценить риски, их надежду на преуспевание вопреки планам глобальных лидеров на государственное разрушение России. Заслуживают осмысления в России идеи, забытые элитами, выводимые их услугой из научного оборота и из содержания образования. Назову ниже главные из них.

С XX в. капиталократия стала мировой системой [3]. Ее кризисы неизбежны и цикличны, подтверждены двумя мировыми и тридцатью иными войнами с потерей 70 миллионов жизней и разрухой десятков стран. В промежутках между ними капиталократия применяет стратегии управляемого хаоса, питает «пятые колонны», плодит региональные конфликты, съедающие ресурсы стран и ставящие их на грань выживания. И.В. Сталин в 1930-е гг. неоднократно писал о закономерном обострении борьбы мировой буржуазии за продление собственного социального и глобального господства.

Видимая национально-государственная мозаичность мира сочетается с насаждением однополярности, осуществляемым евроатлантическим блоком с единственной целью – продлить капиталократию, которое, однако, «продавливается» с помощью национальных элит и бюрократий, вопреки интересам многих национальных государств и большинства их населения.

В этой мозаичности особый цивилизационный статус – у России, наиболее богатой природными ресурсами, самодостаточной в своем культурном многообразии и интеллектуальном богатстве, но крайне слабой в демографическом и экономическом отношении в постсоветское время. Она – самый лакомый кусок для капиталократии. От способности России как государства сохранить себя и свой суверенитет зависит не только

судьба ее населения и будущих поколений, но и все время ускоряющаяся перспектива столкновений по линии монополярности и многополярности мира на Земле.

Глобальная экономика, кроме нескольких государств и их блоков, остается капиталистической, живет только при скачкообразном росте производства с ростом ресурсопотребления, расколом мира, кризисами и войнами. Попытки (Римский клуб) указать на гибельность этой экономики и политики игнорируются большинством деятелей социальных и гуманитарных наук, чем вуалируется эта гибельность. Насколько непоколебима позиция России в этой глобальной ситуации? Какие идеи, принятые и развиваемые учеными, помогут сохранить суверенитет?

В зарубежных исследованиях бюрократии делается вывод, что не только рыночные финансово-промышленные элиты, но даже и государственный топ-менеджмент склонен к выполнению наднациональных интересов, в ущерб управляемым секторам, как происходит в сфере образования [2; 4]. Такой менеджмент сросся с финансовыми и промышленными группами и достиг автономии от общества и управляемых систем, укореняет в них бюропатологии и имитацию, а их нельзя сломать снизу из-за слабости гражданского общества.

Наиболее опасный для России эффект бюропатологий – непрозрачность менеджмента и уход от научного, ориентированного на общественные интересы управления, что иллюстрируется «методологией» приоритетных нацпроектов. Этот эффект сегодня убивает главные цивилизационные преимущества России – ее самодостаточность, ресурсное богатство, накопленный общественный интеллект.

Обратим внимание на социальную дезинтеграцию, ставящую современную Россию на грань выживания перед лицом названных выше глобальных вызовов. Социальная дезинтеграция не равнозначна социальной дифференциации. Она – продукт рыночно-радикальной политики государства в пост советское время, но одновременно и сложный вид гибридного оружия, снижающего способность социума к мобилизации в кризисной ситуации. После катастрофы на АС «Фукусима» японский бизнес на четверть снизил цены на товары для населения. Нам известно по опыту предыдущих десятилетий, как поступает бизнес у нас, пока его не вызовут «на ковер в Кремль»? Есть ли в обществе, в молодежной среде признаки социальной интеграции – видно по отсутствию в наших военкоматах многотысячных очередей добровольцев в ситуации резкого роста напряженности.

Дезинтеграция социальная складывается из нескольких ключевых трендов, замалчиваемых с позиции политических элит и медийного пространства.

Дезинтеграция как небывалое экономическое расслоение замалчивается. Децильный коэффициент, не превышавший в СССР 4 (а в капиталистических странах 6), сегодня официально превысил 15 (по экспертной оценке – 20, а в мегаполисах 40). Суточная зарплата за квалифицированный труд разнится в 4 тысячи раз – от 500 рублей у учителя (за 1,0 ставку) до 2 млн у членов Правления Сбербанка, у министра Д. Мантурова и главы «Газпрома» А. Миллера – по несколько миллионов в день (в 70-100 раз больше, чем у Президента РФ). Эти и подобные им сверхдоходы – капиталы, ориентированные на вывоз. На противоположном полюсе дезинтеграции для, по крайней мере, половины занятых в стране труд перестал быть залогом достойной жизни и мерилom успеха человека.

Дезинтеграция межрегиональная, когда при провозглашении равенства прав граждан разница оплаты за одинаковый труд в госсекторе превышает 10 раз (например, в оплате школьного учителя за 1,0 ставку в столице и провинции), а госбюджетные ассигнования на жителя в столице превышают средние по РФ в 13 раз, что откачивает молодое население из провинции, усугубляет постарение населения в провинции и ведет к необратимой потере демографического потенциала (утрате способности популяции к естественному росту). Сходный характер и у сельско-городской дезинтеграции, при стимулируемом гипертрофированном росте городов, обрекающем сельскую местность лишь на очаговое выживание и сокращение сети поселений и обрабатываемых площадей.

Дезинтеграция общественно-политическая, при которой вокруг человека отсутствует действующая сеть общественно-политических организаций (раньше были – КПСС, комсомол, профсоюзы), обеспечивающая его политическое самовыражение, включенность, помимо виртуальной через телевизор, в жизнь государства, если не считать праймериз и выборные кампании.

Дезинтеграция идейная и психологическая (по сути – антикультурная) – ведется «пятой колонной» через медийное пространство, контролируемое, за исключением нескольких каналов ТВ, так называемыми виртуальными элитами. Воспевание наживы и потребления, идолоизация псевдозвезд через сериалы, лицензионные телешоу и псевдовикторины. В этом пространстве насаждается культ безделья, роскоши, преступности с человеческим лицом. Но в нем нет места человеку труда, самоотдаче на пользу стране, подвижничеству, крестьянину и рабочему, врачам, ученым и учителям.

Осуществляется быдлоизация населения [1]. Диван, телевизор – и нет человека. Образованию, пронизанному бюропатологиями, не удастся переломить дезинтеграцию, такая задача перед ним и не ставится ни законодательством РФ об образовании, ни нацпроектами «Образование» (до 2024 г.).

Дезинтеграция не будет остановлена нынешними элитами и бюрократией, иначе они неизбежно потеряют свои преимущества.

Все названные идеи для российской цивилизации, перечень которых не ограничивается изложенным в данном сообщении, требуют обсуждения, верификации и сценарной проработки с привлечением всего потенциала социально-экономических, политических и гуманитарных наук, без чего миссия этих наук, при отсутствии в них должной координации и сохранении грантовой конкуренции, в самый сложный период развития России будет не выполнена.

Идеи для российской цивилизации XXI в., к осмыслению которых призваны российские социально-экономические, политические и гуманитарные науки

1. Политическая установка на социальную интеграцию общества, гармонизацию социальных институтов (без подмены манипуляционным медийным эффектом), подлинную ответственность за последствия управления в государстве.

2. Возвращение к научным принципам управления, встраивание научного знания в инструменты выработки стратегических решений государства, что возможно только через развитие эффективного государственно-общественного управления.

3. Смена экономической стратегии:

3.1. отказ от установки на рост экономики любой ценой, постепенный переход к приоритету оптимальной структуры хозяйства;

3.2. отказ от безоглядной интеграции в глобальный рынок и зависимости от него, в пользу всесторонней производственно-экономической самодостаточности;

3.3. отказ от экспортно-сырьевой доминанты, приоритет государственных инвестиций в производственную наукоемкую экономику;

3.4. отказ от монетаризма в кредитно-финансовой и налоговой политике;

3.5. переход от политики «пособий», по сути государственных подачек бедным и нуждающимся, к политике достойных уровней оплаты труда;

3.6. отказ от консюмеризма как двигателя рынка, как противоположности оптимальной структуре хозяйства; поддержка ресурсосбережения и разумных потребностей.

4. Возвращение в сфере экономической, социальной, культурной и образовательной, информационной политики, здравоохранения – к принципу ответственности за результаты, критерием которых является реальное улучшение условий жизни большинства граждан РФ в этих сферах.

Библиографический список:

1. Григорьев С. И. Виталистская социология быдлоизации – основа научного обеспечения преодоления кризисного развития современного российского общества // Ученые записки ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского. 2013. № 4. С. 27-35.

2. Осипов А. М. Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 4. С. 953-966.

3. Субетто А. И. Капиталократия и глобальный империализм. СПб.: Астерион, 2009. 572 с.

4. Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании : коллектив. моногр. / авт. : Ю. В. Башкирева, П. А. Бояджиева, К. К. Ёлкин ; под ред. А. М. Осипова ; Рос. науч. фонд. Великий Новгород: «Виконт», 2020. 351 с.

A. M. Osipov. Global contradictions and civilizational priorities of Russia

Russian society and the state in 2022 found themselves «suddenly» in a new situation. The attitude of the state to the problems being solved is changing. Contrary to the proclaimed integration of Russia into the so-called «civilized world» (i.e., into the capitalist system) 35 years ago, the former «cold war» turned into an unstoppable and outright military-technical and economic suppression of Russia, cyberwar. The article presents an analysis of current sociopolitical contradictions in Russia and the world, describes the parameters of the phenomenon of social disintegration, and expresses ideas for the preservation and development of Russian civilization in the XXI century.

Keywords: cyberwar, capitalocracy, civilizational choice, bureaucracy, world economy, disintegration

УДК 316

Е. А. Кувыркова, М. А. Шпак

**Медиарепрезентация протестной активности: сравнительный анализ приемов
информационно-психологического воздействия**

Аннотация:

В статье рассматривается феномен информационно-психологического воздействия в новостном медиадискурсе в условиях политической нестабильности. На примере медиарепрезентации протестов в Каталонии осенью 2019 г., акций сторонников движения «Black Lives Matter» в США летом 2020 г. авторы проводят сравнительный анализ приемов убеждения и сознательной манипуляции информацией, которые традиционные и новые медиа используют для воздействия на аудиторию и формирования повестки дня. В статье выделены основные приемы воздействия на общественное мнение через СМИ. Кроме того, выявлен потенциал протестной мобилизации новых медиа, обусловленный их интерактивностью и вовлекающей моделью коммуникации с пользователями.

Ключевые слова: информационно-психологическое воздействие, медиадискурс, СМИ, новые медиа, медиарепрезентация протеста, формирование повестки дня.

Об авторах: Кувыркова Екатерина Александровна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики, эл. почта: barinovaeka@gmail.com

Шпак Мария Александровна, выпускница бакалавриата кафедры информационного обеспечения внешней политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, редактор Службы информации телеканала РБК, эл. почта: maryshpack@gmail.com

Начало XXI в. ознаменовалось активизацией протестных настроений по всему миру, что особенно ярко проявилось в 2019-2020 гг. Заметную роль в данном процессе играют СМИ, оказывая влияние на аудиторию с помощью широкого спектра приёмов

информационно-психологического воздействия. В частности, возрастает влияние новых медиа – интерактивных онлайн-ресурсов, мессенджеров и социальных сетей.

В условиях обострения противостояния в информационном пространстве все большее значение приобретает всесторонний анализ новостного медиадискурса как части политической коммуникации и используемых в нем приемов воздействия. Одной из функций новостей, наряду с непосредственно информационной, выступает конструирование образа события в сознании реципиента [2]. Новостные медиатексты не только освещают текущие события, но и оказывают влияние на их последующее развитие, формируя повестку дня и воздействуя на общественное мнение. Таким образом, традиционные и новые медиа в настоящее время становятся активным участником политических взаимодействий: в частности, выступают в роли канала и инструмента социальной мобилизации и координации участников протестных выступлений.

Авторами проанализирована практика использования приемов информационно-психологического воздействия в новостном медиадискурсе как элемент современной политической коммуникации в различных социокультурных контекстах. В качестве наиболее репрезентативных кейсов были выбраны протесты в испанской Каталонии осенью 2019 г., акции сторонников движения «Black Lives Matter» в США летом 2020 г.

Под политической коммуникацией принято понимать процесс передачи политически значимой информации, специфика которого заключается в стремлении субъектов информационного взаимодействия оказывать воздействие на политическую среду [8, с. 174; 10, с. 11]. Такая коммуникация предполагает не просто передачу сообщения, но формирование у объекта коммуникации (массовой национальной и зарубежной аудитории) определённой позиции по освещаемому вопросу.

В современной массовой политической коммуникации важную роль играет теория формирования повестки дня: частотность и характер представленности определенных тем и сюжетов в новостном медиадискурсе определяют их значимость для потребителя информации. Чем чаще освещается то или иное событие, тем более приоритетным оно становится в информационной картине дня пользователя медиа [3]. Формирование повестки дня происходит на двух уровнях:

- воздействие СМИ на то, какая именно информация воспринимается как наиболее важная;
- влияние на атрибутивную повестку, что предусматривает формирование конкретного отношения к вопросу.

Политическая коммуникация, осуществляемая средствами массовой информации в медиaprостранстве, формирует медиадискурс, базовым элементом которого выступает медиатекст – информационное сообщение, совмещающее в себе вербальные и медийные компоненты [2].

Развитие информационно-коммуникационных технологий и связанные с ним процессы медиаконвергенции привели к значительным изменениям в функционировании средств массовой информации и самом языке СМИ. К традиционным средствам массовой информации (печатные газеты, радио, телевидение) добавились новые медиа: интернет-СМИ, социальные сети, мессенджеры. Отличительные черты таких медиаресурсов – высокая скорость коммуникации, интерактивность, мультимедийность и возможность непосредственного взаимодействия пользователей между собой [12].

Для управления общественным сознанием и поведением субъекты массовой политической коммуникации и, в частности, новостного медиадискурса, используют особые психологические механизмы. К основным разновидностям воздействия относятся убеждение, внушение, подражание и эмоциональное заражение [1, с. 6]. Убеждение представляет собой воздействие с использованием рациональных доводов и логической аргументации [9, с. 162]. Данный метод воздействия имеет ряд ограничений и наиболее эффективен для коммуникации с лояльной аудиторией, уже согласной с транслируемой медиа позицией. В прочих случаях этот метод менее действенен из-за избирательно восприятия информации: если информация серьезно противоречит прежним установкам, нормам, ценностям и принципам личности, она воспринимается критически.

В результате, логическая аргументация того или иного тезиса не убеждает человека [15]. Для изменения существующих у аудитории установок и убеждений субъекты коммуникации обращаются к способам воздействия, основанным на не критическом восприятии информации: внушению, эмоциональному заражению и подражанию [9; 14, с. 50; 7, с. 68]. Последнее нередко реализуется через обращение к групповой принадлежности. Согласно теории социальной идентичности Г. Тэшфела и связанной с ней теории самокатегоризации Дж. Тернера, представление человека о самом себе, его восприятие мира и поведение во многом зависят от того, членом каких социальных групп он является [16; 13]. Доказано, что о своей группе человек лучше запоминает положительную информацию, а об остальных – отрицательную [17].

Механизм подражания задействуется, например, при использовании в коммуникации образа большинства – многочисленной группы, которая якобы

поддерживает мнение источника информации («миллионы» сторонников или любое другое манипулирование большими цифрами, а также – ссылки на «демократическое сообщество», «цивилизованный мир»). Также применяется аргументация тезиса с опорой на авторитеты, в том числе ложные (ссылка в медиасообщении на источник, мнение которого по данному вопросу нерелевантно и не является авторитетным).

Механизм эмоционального заражения представляет собой процесс, в рамках которого субъект коммуникации воздействует на эмоции или поведение другого человека (группы) посредством сознательного или бессознательного транслирования эмоциональных состояний и поведенческих установок [14]. Эффективность заражения определяется интенсивностью воздействия и валентностью эмоции, транслируемой в сообщении: негативные события (высказывания, оценки) стимулируют более сильные эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции аудитории, а потому оказываются более действенными инструментами влияния на общественное мнение.

Для создания у своей целевой аудитории определённого отношения к той или иной проблеме, субъекты коммуникации часто используют медиаэффекты, тесно связанные с контекстом:

- 1) эффект контраста – стремление подчеркнуть свое отличие от оппонента;
- 2) эффект предрасположенности или прайминг – воздействие через активацию в мозгу определенной идеи, которая оказывает воздействие на последующее суждение [4].

Примером прайминга служит использование эмоционально окрашенных заголовков, которые преждевременно формируют в сознании субъекта ассоциации и образы, которые впоследствии влияют на восприятие самого медиатекста.

- 3) Эффект обрамления (фрейминг) относится к форме подачи информации. Одно и то же сообщение, преподнесенное СМИ в двух незначительно различающихся интерпретациях, может быть воспринято совершенно по-разному [11, с. 146]. Данный эффект реализуется, в частности, через использование медиаряда – фото и видео, иллюстрирующих новостной материал. Итак, для воздействия на аудиторию субъекты медиадискурса используют различные информационно-психологические, медиалингвистические и другие приёмы.

Эмпирической базой исследования стали материалы новостных медиаресурсов различного формата, выбор которых обусловлен, с одной стороны, высокой популярностью среди национальной аудитории (и региональной – в случае Каталонии) в период активизации протестных выступлений, с другой, данными официальной

статистики и анализа «больших данных» при помощи сервиса Google Trends, инструментарий которого позволил сравнить частотность, характер и географию поисковых запросов по словам и аббревиатурам, связанным с тем или иным медиаресурсом.

Для анализа кейса по Каталонии источником послужили испанская национальная газета «El País» и каталанское издание «Ara», для США рассмотрен цифровой формат телевизионного медиадискурса (сайты кабельных телеканалов CNN и Fox News). Анализ стратегий СМИ разных форматов и поколений в освещении политических кризисов позволил выявить как общие черты, присущие любому из исследуемых медиаресурсов, так и специфику каждого отдельного кейса.

В рамках исследования проанализировано порядка 5,5 тыс. публикаций различного формата на английском, испанском языках, а также – на каталонском диалекте. В каждом из рассмотренных кейсов было проведено исследование на двух уровнях. Выделены особенности медиарепрезентации протеста в зависимости от идеологической ориентации издания (исследуемые публикации разделены на позитивные, нейтральные и негативные, выявлена поляризация оценок действий протестующих и сотрудников правопорядка анализируемыми источниками).

Качественный анализ, в свою очередь, позволил выделить тематические доминанты новостных статей и исследовать приемы воздействия на массовое сознание. Выделены способы формирования повестки дня и манипулирования контекстом для выгодной репрезентации тех или иных инфоповодов новостными изданиями. Рассмотрены медиатексты, состоящие из собственно текстовых сообщений, гиперссылок, фото- и видеоматериалов. Их анализ позволил прийти к следующим выводам.

В случае Каталонии анализу подлежали 246 статей газеты El País (на испанском языке) и 101 публикация Ara (на каталане), непосредственно посвященные протестным выступлениям в октябре 2019 г. (Таблица 1). Сообщения национальной газеты о массовых акциях более нейтральны, чем у каталонского медиаресурса (около 27% нейтральных публикаций против 17%).

Таблица 1. Медиарепрезентация протеста в Каталонии, 14 октября-5 ноября 2019 г.

Тематическая доминанта	El País	Ara
Приговор лидерам протеста	14	4
Нейтральное освещение протестных выступлений, хроника	67	18
Позитивное освещение протестов	4	11
Публикации с негативным посылом	56	6
Столкновения с полицией, беспорядки, аресты	56	7
Раненые/пострадавшие от полиции протестующие	2	12
Реакция власти и критика протестных выступлений	22	22
Реакция Каталонии (в том числе осужденных), а также протестующих	20	12
Реакция в других областях Испании в поддержку	4	3
Критика действий Национальной полиции и Los Mossos d'Esquadra (полицейские силы Каталонии)	1	6
Не имеющие непосредственной связи с протестным движением	74	40
Итого о Каталонии	246	101
Всего	320	141

Тем не менее, при освещении протестного движения в Каталонии издания El País (которая отстаивала идею территориальной целостности Испании) и Ara (поддерживала каталонский национализм) имели собственные тематические доминанты. El País делала акцент на негативных аспектах, таких как экономический и инфраструктурный ущерб от протестных акций, массовые беспорядки и столкновения с полицией. Ara же уделяла внимание массовому характеру протестных выступлений, полицейской жестокости в отношении протестующих и международной поддержке движения за независимость Каталонии.

Основным способом воздействия на аудиторию стало манипулирование контекстом: использование эффектов прайминга и фрейминга, а также эффекта контраста. Оба издания активно употребляли оценочную лексику. В частности, в статьях о массовых беспорядках Ara говорит о «полицейском насилии», El País – о «беспорядках с

применением насилия [протестующими]». Формат интернет-ресурсов также позволил оказывать влияние на читателей посредством медиаряда. Каталонская газета акцентировала внимание на массовости протестного движения за счет использования фотографий и видео, изображающих многотысячные колонны участников мирных протестов. В свою очередь, в статьях El País фото- и видеоматериалы иллюстрируют в основном беспорядки на улицах, горящие автомобили и толпы агрессивно настроенных протестующих. Таким образом, идеологическая ориентация изданий предопределила характер публикаций, посвященных массовым протестам в Каталонии осенью 2019 г.

Специфику освещения протестов в США телеканалами определили два фактора: поляризация телеканалов по идеологическому принципу в силу особенностей американской политической системы, а также – формат публикаций Fox News и CNN. Всего проанализировано по 280 новостных статей каждого медиаресурса, содержащих информацию о протестах (Таблица 2).

Новости Fox News относительно более нейтральны (публикаций без ярко выраженной эмоциональной окраски около 49% против 43% у CNN). В прочих новостях присутствуют различные тематические доминанты. Так, 15% публикаций CNN о протестах затрагивали тему системного расизма в США и смерть Дж. Флойда как ее частное проявление.

Таблица 2. Медиарепрезентация протестов в США, 25 мая – 25 июня 2020 г.

Тематические доминанты новостных статей	Fox News	CNN
Относительно нейтральное освещение протестов, хроника	136	120
Позитивное освещение протестов	5	33
Негативные публикации о протестах различного характера: дезинформация, распространение информации о протестах с поддельных аккаунтов	7	-
Публикации про Дж. Флойда, его семью и пр.	-	9
Публикации про других афроамериканцев, пострадавших от расизма, про системный расизм в США и способы борьбы с ним, о движении BLM в целом	-	26
Ответственность полицейских за смерть Дж. Флойда	-	3
Лозунг defund the police+требование реформы полиции	6	14

Столкновения с полицией, беспорядки	19	7
Иллюстрации «полицейской жестокости» и действия, направленные на борьбу с полицейским произволом	3	14
Мародерство и грабежи, атаки на журналистов	10	1
Критика демократов, поощряющих протесты (в связи с угрозой распространения коронавируса на протестах)	5	-
Критика республиканцев и, в частности, администрации Д. Трампа	-	25
Комментарии политических деятелей и лидеров мнений в поддержку	36	15
Комментарии политических деятелей и лидеров мнений против	33	3
Снос памятников	20	10
Всего	280	280

Статьи, посвященные Флойду, включали интервью его родственников и друзей и отличались высокой степенью эмоциональности, побуждая аудиторию к сопереживанию – пример эмоционального заражения. CNN, таким образом, встраивал тему протестов в более широкий социальный контекст. В новостях Fox News проблема расизма фактически отсутствовала.

Оба медиаресурса активно использовали оценочную лексику, с помощью которой формировали отношение аудитории к протестным выступлениям:

- Fox News: «разъяренная толпа бунтовщиков», «вандализм», «мародеры».
- CNN: «солидарность», «мирные протесты», «полицейская жестокость».

Текст сопровождался большим количеством фото- и видеоматериалов, в том числе телерепортажей. Как следствие, в публикациях CNN и Fox News важная воздействующая роль была отведена медиакomпонентам. В публикациях Fox News превалировали фото- и видеоматериалы, иллюстрирующие погромы, мародерство, агрессию протестующих в отношении полицейских, в новостях CNN фотографии и видеорепортажи были посвящены мирным выступлениям и жестким действиям полиции при подавлении протестных акций.

На примере медиарепрезентации протестов в Каталонии и США были выявлены и проанализированы наиболее распространенные приемы информационно-психологического воздействия, которые традиционные и новые СМИ применяют в целях влияния на аудиторию. Несмотря на то что каждый рассмотренный случай имеет свои особенности, общей характеристикой выступает стремление субъектов СМИ оказывать

воздействие на целевую аудиторию, как скрытое, так и прямое, при помощи различных способов убеждения и манипуляции информацией в целях влияния на общественное мнение и формирования новостной повестки дня.

Традиционные СМИ реализуют, в первую очередь, трансляционную, вещательную модель коммуникации «сверху вниз» – от коммуникатора к потребителям. Новые медиа отдают предпочтение вовлекающей модели коммуникации, подразумевающей деятельное участие аудитории в генерации и ретрансляции контента. Такие медиаресурсы создают пространство для авторства своей аудитории, тем самым обеспечивая ее лояльность и вовлечение в процесс коммуникации. Таким образом, новые медиа обладают обширными возможностями и инструментарием для оказания информационного воздействия на массовую аудиторию, вне зависимости от социокультурного контекста, в котором это влияние разворачивается.

Библиографический список:

1. Бехтерев В. М. Объективное изучение личности. Избранные труды по психологии личности. В 2 т. Т. 2. Объективное изучение личности / В. М. Бехтерев. СПб.: Алтея, 1999. 281 с.
2. Добросклонская Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа / Т. Г. Добросклонская // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования; Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международная научно-практическая конференция и II Международный научный семинар: сборник научных работ, Белгород, 05–07 октября 2016 года / Под редакцией Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 13-22.
3. Казаков А. А. Теория установления повестки дня vs фрейминг: к вопросу о соотношении подходов // Полития. 2015. №1 (76). С. 103-113.
4. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. Москва: АСТ, 2014. 710 с.
5. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 669 с.
6. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999. 592 с.

7. Социальная психология для бакалавров : Учебник / А. М. Руденко, С. И. Самыгин, Л. Д. Столяренко, Д. С. Загутин. Ростов-на-Дону: ООО «Феникс», 2016. 332 с.
8. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. Ч. 1. М.: Б. и., 1992. 180 с.
9. Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М.: МЫСЛЬ, 1973. 215 с.
10. Denton R. E. Political Communication in America / R. E. Denton, G. C. Woodward. New York: Praeger, 1998. 307 p.
11. Kott A., Citrenbaum G. Estimating Impact: A Handbook of Computational Methods and Models for Anticipating Economic, Social, Political and Security Effects in International Interventions / A. Kott, G. Citrenbaum. New York; London: Springer, 2010. 362 p.
12. Manovich L. The Language of New Media. Cambridge: MIT Press, 2001. 354 p.
13. Rediscovering the social group: A self-categorization theory. / Turner, J. C. Hogg, M., Wetherell, M. and others. Cambridge, MA, US: Basil Blackwell, 1987. Pp. 347-348.
14. Schoenewolf G. Emotional contagion: Behavioral induction in individuals and groups // Modern Psychoanalysis. 1990. №15 (1). Pp. 49-61.
15. David S. Mass Media and Political Persuasion / S. David, R. Kosterman // Psychology of Persuasion, ed. T. C. Brock and S. Shavitt, New York: W, H. Freeman, 1987. Pp. 251-278.
16. Tajfel H. The achievement of inter-group differentiation. // Differentiation between social groups. London: Academic Press, 1978. Pp. 77-100.
17. Tajfel H. Turner. An integrative theory of intergroup conflict. // The social psychology of intergroup relations. Calif.: Brooks/Cole Pub. Co, Monterey, 1979. Pp. 33-47.
18. El País [Electronic resource]. – Available at: <https://elpais.com> (accessed date: 15.05.2022).
19. Ara [Electronic resource]. – Available at: <https://www.ara.cat> (accessed date: 15.05.2022).
20. CNN [Electronic resource]. – Available at: <https://edition.cnn.com> (accessed date: 15.05.2022).
21. Fox News [Electronic resource]. – Available at: <https://www.foxnews.com> (accessed date: 15.05.2022).

Kuvyrkova E. A., Shpak M. A. **Media coverage of protests: comparative analysis of methods of informational and psychological influence**

The article examines the phenomenon of informational and psychological influence in the news media discourse under political instability. Authors conducted a comparative analysis of the Catalan pro-independence protests in October 2019, the «Black Lives Matter» movement demonstrations in the USA in 2020 and Belarusian massive protests during August 2020 and identified the most popular methods of persuasion and manipulation techniques that traditional and new media use to influence their audience and for agenda-setting. Likewise, the potential of protest mobilization of new media has been revealed, due to its interactivity and engaging model of communication with the audience.

Keywords: informational and psychologic influence, news media discourse, mass media, new media, media coverage of protests, agenda-setting

УДК 159.9.01

Б. Шмидт, В. Б. Хозиев

Теоретические и эмпирические модели родительства при детском аутизме (РАС). Часть I

Аннотация:

В статье проводится анализ психологических подходов к проблеме родительства при аутизации ребенка. Рассматриваются сложные феномены принятия и непринятия ребенка с РАС в семье, особенности динамики материнского отношения и процесс выстраивания отношений родителей с медиками и дефектологами, а также существующие в психологии представления о «холодной» матери как одной из причин детской аутизации.

Ключевые слова: ранний детский аутизм, расстройства аутистического спектра (РАС), родительство, синдром Мюнхгаузена по доверенности.

Об авторах: Бернхард Шмидт, организатор системы реабилитации и абилитации для семей аутистов, Рурский университет в Бохуме, Германия; эл. почта: gmbh@solidarhotel.de

Хозиев Вадим Борисович, доктор психологических наук, профессор, Государственный университет «Дубна», зав. кафедрой клинической психологии факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: v_hoziev@mail.ru

Карл Витакер: «Когда семья в отчаянии, она меняется, если нет — остается прежней... Как человек имеет право на самоубийство, семья имеет право на самоуничтожение».

Непросто определить жанр нашей статьи¹. Скорее, у нас получилось своего рода обобщение 60-70-летней теории и практики специализированной психологической работы с семьями детей с РАС². Мы с Б. Шмидтом знакомы уже несколько лет, и хотя у нас еще нет общности языка И. Ильфа и Е. Петрова, но сближающие нас темы, методы и подходы к аутизму, и главное: единая гуманистическая платформа – позволяют мыслить и излагать свои позиции как хорошо оформленной диаде.

Таким образом, данная статья есть результат наших длительных размышлений и исследований в русле определения одной из основных причин аутизации – условного *вклада* семьи и каждого родителя в отдельности в происхождение и развитие РАС у детей. Традиционно наш стиль изложения будет иметь структуру диалога. Для отечественного гуманитария – это не проблема, но даже своего рода *подача*, особенно после понимания литературного творчества, по М. М. Бахтину, как диалога идей, культур и автора с читателем и самим собой.

Б. Шмидт в своих замечательных научных памфлетах привычно поднимает тему, нечасто встречающуюся на страницах отечественной научной периодики, а именно: коллизию нравственного поведения исследователя, ответственного за формулируемые обобщения по итогам научного творчества [20-28; 12; 13]. Один из наиболее удавшихся нашему соавтору топиков – изложение тематического перехода в рамках дискурса «исследование – миф – догма». Необходимо упомянуть широко известный и, казалось бы, незыблемый миф, как будто сводящий этиологическую тему о причинах аутизма к так называемой «холодности матери» («Refrigerator Mother») [21]. Еще 20-30 лет назад он был доминирующим в психологии, педагогике и дефектологии детского аутизма. Но сегодня его отчасти предвзятость, ангажированность и ошибочная неточность заметна в любом основательном исследовании клинического случая конкретного ребенка с РАС и его семьи.

Холодность в отношении к ребенку (неэмпатичность, эмоциональная или операциональная невключенность взрослого во взаимодействие с младенцем и ребенком

---

¹ Статья скомпилирована из двух книг Б. Шмидта [26; 27], нашей переписки и общих дискуссий и размышлений, исходя из близости позиций по трудным вопросам осмысления проблематики РАС у детей и в родителстве. Перевод с немецкого А.Д. Редькиной.

² РАС – расстройство аутистического спектра – так точнее характеризовать довольно непростое по своим нозологическим признакам детское заболевание. РДА (ранний детский аутизм) – требует более точной симптоматической определенности, что при существующей диагностической практике не всегда возможно.

раннего детства и др.), безусловно, будет способствовать его аутизации и свертыванию эмоциональной ориентировки в человеческом пространстве, но насколько нозологически оформленной и квалифицированной как РАС станет возникшая у ребенка симптоматика – этот вопрос остается для психологии аномального развития открытым. Эта холодность может быть результатом *дидактичности* родителя, который пытается в отношении ребенка реализовать какую-либо модель воспитания, общения или развития (какую-либо идею фикс); или, назовем деликатно, *собственного психического нездоровья* родителя (шизоидности, психотичности, истероидности и др.); или *алекситимичности* (неумения общаться и взаимодействовать с ребенком), которая по тем или иным причинам культивируется в предыстории и окружении родителя.

Вместе с тем наиболее точным психологическим указанием на природу родительского (в основном – материнского) отношения к своему ребенку является квалификация социальной ситуации развития как деструктивной. Отметим также, что материнская «холодность» имеет множество вариантов осуществления, природа ее различна, в различных исследованиях мы можем видеть сложное влияние матерей, в том числе, например, на происхождение шизофрении у сыновей, аутизацию, психопатизацию и др.

Вообще, читателю лучше всего понять уже в начале нашей статьи, что аспект развития семейного социума (мы традиционно будем вслед за Л. С. Выготским именовать эту важнейшую и генерирующую структуру как Социальную Ситуацию Развития – ССР) будет ключевым, в том числе, в этиологической (причинно-следственной) трактовке природы РАС у каждого конкретного ребенка [2-5; 8; 11]. Одновременно необходимо преодолеть удивительную особенность существующей психологической традиции – рассматривать ребенка-аутиста как развивающегося отдельно от мамы, папы, бабушки, сибсов и др., согласно неким внутренним, болезненным, патологическим, а не внешним законам детерминации.

Эта своего рода «робинзонада аутизации» длительное время была принята в психологии развития и клинической психологии как канон, а исследователи и практики преодоления аутизма слепо следовали ей в течение последних десятков лет и продолжают

следовать. Так называемое «научное сообщество» было и остается «сообществом невежества» более пятидесяти лет¹.

Справедливо отметить, что в области аутизма трудно взвешенно и психологически объективно оценить все обстоятельства конкретного случая РАС: существуют проблемы со сбором анамнеза, точностью постановки диагноза, обоснованием представлений об этиологии заболевания, прослеживанием динамики коррекционной помощи и др. Это связано, с одной стороны, с распространением через СМИ идей об аутизме среди населения, экспоненциальным увеличением как количества поставленных диагнозов РАС, так и изданных научных и публицистических текстов в последние десятилетия, снятых научно-популярных и художественных фильмов, распространенностью знаков общественной обеспокоенности возрастающей частотой аутизации и др. Гигантской проблемой становится урон, наносимый ребенку с РАС неэффективной родительской, медицинской и дефектологической поддержкой.

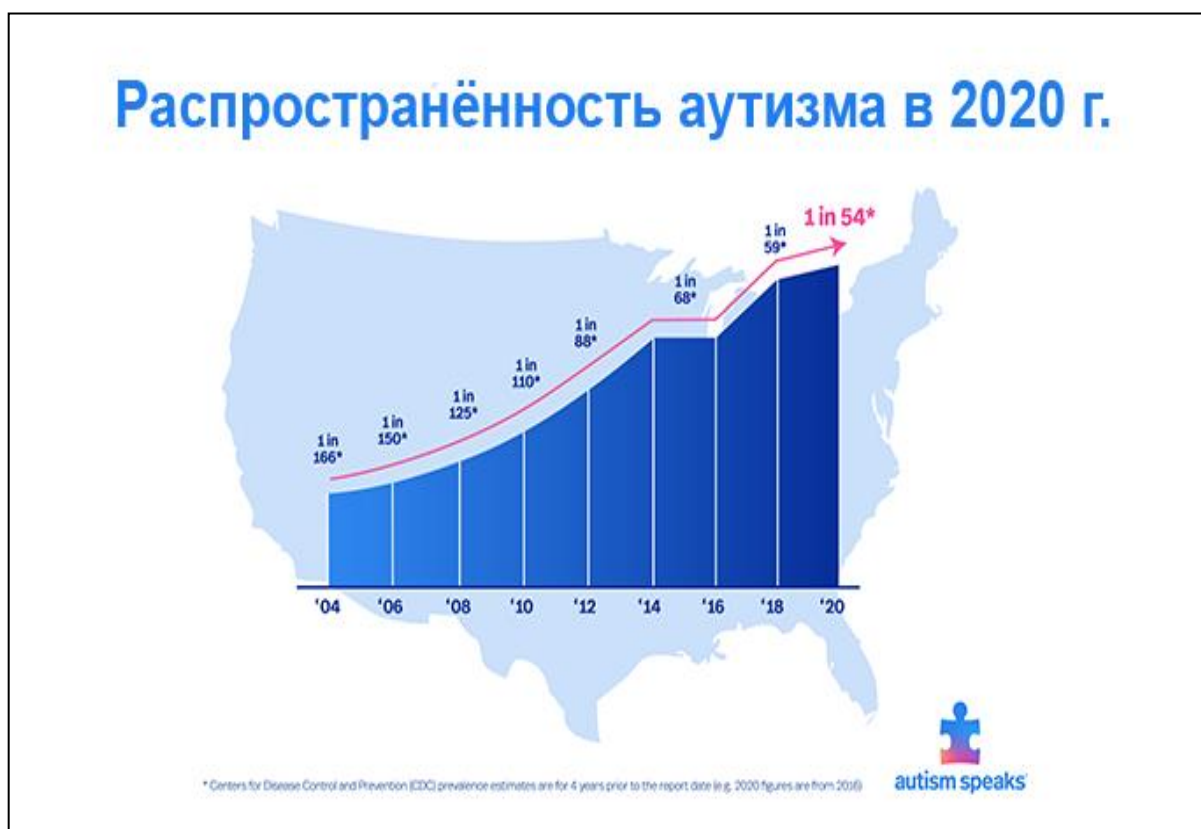
Количество аутичных детей 50 лет назад составляло приблизительно 2-4 ребенка на 10000. Аутизм был, в отличие от сегодняшних дней, довольно редким нарушением развития. Сегодня же его распространенность составляет 1 случай на 100 или даже на 50-70 детей. Таким образом, распространенность выросла с 0,03%, как минимум, до 1%. Вероятно, эта статистика фиксирует не только объективный прирост детей с РАС, но и более точную современную диагностику, а также обостренную внимательность родителей к своим детям [1; 6; 7; 9; 10; 13; 16]. К сожалению, статистика РАС в России собирается без использования принятых во всем мире методов и потому не является сколь-либо точной, но общим закономерностям, конечно, подчиняется².

---

¹ Такую эмоциональную оценку Б. Шмидта нами было решено оставить в тексте, имея в виду тот урон, который был нанесен «аутистологии» как сфере гуманитарных исследований и методических разработок за эти годы. Ребенок из сказки «о платье голого короля» слишком долго не приходил в психологию, чтобы проверить миф о «холодной матери» и не закрыть это упрощенное представление о причинах и динамике развития детей с РАС.

² Статистические данные об аутизме [Электронный ресурс] // Контакт. Режим доступа: <https://contact-autism.ru/news/statisticheskie-dannye-ob-autizme> (дата обращения: 03.04.2021).

Рисунок 1. Статистика РАС в США в 2020г.

Трудно сказать, кто впервые обратил исследовательское внимание на симптоматику аутизации, наступающую на фоне депривационного отношения к новорожденному, младенцу или ребенку раннего детства. Для российской традиции важнейшим этапом стали исследования Н. М. Щелованова 1930-х гг., в которых он анализировал и исправлял воспитательные ошибки детдомовского обихода [14]. Преодоление сенсорной и эмоциональной депривации (недостаточности непосредственно-эмоционального общения с родителем, как позднее назовет эту форму взаимодействия ребенка и взрослого выдающийся знаток детства, ученик и последователь Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконин) даже у детдомовского ребенка, которому «не повезло» с родителями, может происходить именно по линии доступного общения и взаимодействия, в которых представлены все основные психологические предпосылки для психического и личностного развития (речевого, познавательного, эмоционального, личностного и др.).

В западной психологической традиции Дж. Боулби уже в 1960-х, опираясь на работы Р. Шпица, показал важность социального взаимодействия для развития детей [18; 27]. Это было новаторством, поскольку наиболее убедительными концептуальными

моделями детского развития в то время казались достаточно механистичные теория конвергенции В. Штерна (двух факторов: наследственности и среды) и преформистская теория Ж. Пиаже, согласно которой ребенок развивается из самого себя. Удивительно, но гегельянская модель развития личности в ходе сложно детерминируемой самодеятельности, осуществленная в марксизме, оказалась невостребованной, и, напротив, кантианская идея созревания превалировала в понимании «Души ребенка» Т. В. Прейера и концепции детского «сада» Ф. Фребеля, трактующего развитие ребенка как цветка, который растет сам по себе, а для его роста нужны лишь вода и солнце.

Однако Боулби показал на примере госпитализма, как и Шпиц до него на примере детских домов, что «воды и солнца» в виде еды и физического ухода недостаточно для психологически благополучного развития. Таким образом, у детей, лишенных социального взаимодействия, возникают значительные нарушения и психические проблемы, похожие на РАС, а социальные институты типа детских домов, яслей, детских садов не способны заменить родителей в выполнении важнейшей функции адекватного, через эмоциональное общение и взаимодействие, включения детей в культуру. Уже в 1960-70-е гг., после открытия и описания симптоматики РАС и более глубокого взгляда на содержание родительского ухода и общения с детьми становится понятно, что не все так просто, а быть родителем – не просто ответственно, но и требовательно к психологическим возможностям личности, одной родительской любви недостаточно. В частности, М. Эйнсворт с коллегами писала:

«Родители ... могут обладать иррациональным и искаженным восприятием своих детей, возникающим не из-за идентификации, а из базовых установок, приобретенных ценностей и стандартов или других аспектов их предыдущего опыта. Пример: с младенчества мать считала мальчика умственно отсталым из-за отсутствия у него реакции на нее. Хотя она постоянно парила вокруг него в опекающей манере, она оставалась эмоционально изолированной и отстраненной и смотрела на него как на семейный позор. Мальчик становился все более замкнутым, с поверхностными отношениями. Постепенно он стал соответствовать восприятию матери как отсталого из-за полного отсутствия у него школьных достижений, несмотря на превосходные интеллектуальные способности. Недостаточная привязанность проистекает из ряда причин: (1) Из-за нездорового характера или глубоко невротических или психотических наклонностей родитель может быть неспособен тепло относиться к

младенцу. (2) Мать может быть холодной и изолированной личностью, с небольшой или вообще отсутствующей способностью «дать» эмоциональность своему ребенку.

Пример: мать, привлекательная, но серьезно заторможенная и холодная молодая женщина, чувствовала себя совершенно неспособной ответить своему первенцу, мальчику. Она заботилась о нем, но осознавала, что не чувствовала к нему тепла и никогда не получала удовольствия от взаимодействия с ним. Хотя она была рядом с ним физически, но позволяла ему играть одному в течение многих часов в манеже в течение первого года жизни, уходя в себя или читая и лишь изредка обращая на него внимание, проверяя его безопасность. Во второй половине второго года жизни мальчика его отец забеспокоился из-за отсутствия у ребенка реакции или интереса к окружающей среде, и после психиатрического обследования стала очевидной аутистическая психотическая картина» [15].

Примечательным для обсуждаемой нами темы является внимание Шмидта к судьбам самих исследователей. Дело в том, что целый ряд из них имели детей-аутистов. Для понимания ролевого антагонизма родителя и исследователя особое значение имеет осознание, кто ты в данный момент. Один из основных тезисов Шмидта состоит в том, что люди, соединяющие двойную роль родителей/исследователей, были своего рода *троянским конем*, посредством которого осуществлялось влияние родителей на ход исследований. Нередко по описаниям аутичные дети становились похожи на характерных «трудных детей», развитых, но плохо контролируемых. И внезапно возникал вопрос о причинах детских расстройств, ведь не было ни видимых нарушений, ни явных проблем семей «низшего класса» (имеется в виду отсутствие проблем *госпитального* невнимания к ребенку).

Бихевиористы, в первую очередь Б. Ф. Скиннер, представляли крайнюю форму этой идеи. Скиннер не только описал её в своей утопии «Walden two», где детей размещали в так называемых «кабинках-кубиках», но и построил в реальной жизни «детский инкубатор» (ориг. «baby-tender») для своей младшей дочери – звуконепроницаемый ящик с окном и кондиционером. Идея заключалась в том, чтобы максимально упростить уход за ребенком для матери [29; 30].

«Иногда мне хочется, чтобы мы жили в обществе, где за каждым домом ухаживала бы обученная медсестра, чтобы каждую неделю младенцев кормила и купала новая медсестра. Не так давно мне довелось наблюдать за ребенком, у которого в течение полутора лет была слишком чуткая и ласковая няня. Ей пришлось уйти. Когда

пришла новая няня, ребенок кричал три часа, делая лишь несколько коротких перерывов для дыхания. В конце месяца и ей пришлось уехать, и пришла новая. На этот раз ребенок кричал всего полчаса. Как это часто бывает в хорошо организованных семьях, эта няня осталась лишь на 14 дней. Когда появилась следующая няня, ребенок ушел от предыдущей без каких-либо затруднений. Должен признаться, мне хотелось бы, чтобы матерей тоже можно было бы иногда менять! Если только они не чрезмерно благообразны».

«Есть очень разумный способ взаимодействия с детьми. Относитесь к ним так, как если бы они были взрослыми. Осуществляйте процедуры одевания и купания с осторожностью. Всегда будьте объективны и дружелюбны в своем поведении. Никогда не целуйте и не лелейте детей; никогда не берите их себе на колени. Если нет другого выхода, поцелуйте их в лоб, когда желаете спокойной ночи. Утром обменивайтесь рукопожатием. Погладьте их по голове, когда они особенно хорошо справятся с трудной задачей» [27, с. 23-24].

Эта прагматическая идеология, пусть даже изложенная иронично, была основана на убеждении, что необходимо должным образом обуславливать поведение людей, чтобы поддерживать всеобщий мир и счастье. Социальное взаимодействие, эмоциональность в общении, уважаемая и культивируемая родителем личностная траектория ребенка при этом не только не нужны, но и могут мешать. Понятие «социализация», имеющее в современной гуманитарной науке множество ликов, при всем ощущении важности и нужности этого процесса все еще не имеет точного психологического значения. Социализация может пониматься механистически, как «рецептурное», формальное выполнение актов социального взаимодействия с ребенком, ухода за ним, кормления, выполнения гигиенических процедур и др. Но социализация, вслед за Л. С. Выготским, его учениками и последователями, может восприниматься как развертывание вокруг ребенка всех необходимых культурных условий его развития по принципу *психика есть интериоризованная культура*.

В самом деле, ключевой момент состоит в осмыслении того, что есть основная детерминанта развития, как оно складывается и к чему ведет. Шмидт находит точные слова для характеристики дискурса: *догма* и *фикция*. Российское сознание, думается, переполнено содержательными примерами советских философических и идеологических примеров *догм — этих маленьких мертвых островков предполагаемой безопасности, созданных трусами в ревущем океане жизни, порожденном страхом*. Статический элемент любой догмы становится особенно очевидным в области аутизма как «нарушения

развития». Развитие всегда динамично, всегда представляет собой сложное взаимодействие человека и мира. Полное отрицание возможностей развития аутичных детей является и может быть только догматическим.

«Дети с аутизмом необучаемы»; «вы не можете заставить их общаться, но вы можете научить их простым навыкам»; «большинство аутистов останутся несамостоятельными на всю жизнь»; «прогноз для аутичных детей неутешительный» – такие заявления произносятся так часто, что легко поверить, что они являются истиной. Таково современное знание об аутизме, но оно подчеркивает лишь наше непонимание и беспомощность в отношении лечения или предотвращения аутизма – такова позиция Е. и Н. Тинберген [32].

Одна из догм, отрицающих влияние родителей на ребенка как основной причины аутизма, как раз заключена в непонимании психологического значения социализации¹. Аутизм – это сложное заболевание, проистекающее из-за сочетания первичного и вторичного дефекта [10]. Первичный дефект образуется из функциональной или органической недостаточности на определенном этапе развития, а на ее основу накладывается вторичный дефект в виде полной невозможности родителей и дефектологов вернуть ребенка в нормативное лоно развития. Накопляющиеся проблемы, связанные с вторичным дефектом, искажение траектории развития не позволяют ребенку активно впитывать культуру и присваивать необходимые ориентиры социальной жизни.

Врожденный дефект – еще одна первопричина аутистических расстройств, признаваемая за догму. «Случилось как случилось» – кажется, так фаталистически постулируя, можно пытаться исключить психогенную причину, сосредоточив свои исследования в области физиологии и генетики. Такие причины не были найдены до сих пор и, возможно, не будут найдены никогда, поскольку их не существует.

Аутисты не поддаются обучению / терапии – чтобы исключить ответственность за причины педагогических и психологических неудач, нужно было категорически (в

---

¹ Характеризуя стиль изложения и полемический пафос Шмидта, обратим внимание, как тонко он выделяет основную проблему. Мы в нашей практике работы с детьми с РАС иной раз смущаемся опубликовать панораму подлинных взглядов, позиций и ориентировки родителей в их проблеме, не считая это чем-то важным. Иногда нам нужен «волшебный» пинок со стороны объективного наблюдателя Б. Шмидта, примерно так, как важное гегелевское предостережение не принимать «видимое за значимое» находит свой отклик в научном творчестве каждого исследователя. В этом смысле родовое преимущество концепции Выготского, ставящее в центр детского развития опосредствование культурой с помощью ближнего взрослого, ощущается до сих пор, несмотря на уже скоро сто лет от обнаружения этой важнейшей гипотезы.

качестве догмы) отказать детям с аутизмом в каких-либо возможностях развития. В результате аутизм был определен как «генетически обусловленное, пожизненное и неизлечимое заболевание». И далее, негласно, был признан не поддающимся терапии и воспитанию.

Родители как эксперты – родители аутичных детей, даже с соответствующим образованием, могут быть экспертами в этой области, но и тогда проблема конфликта интересов между ролями эксперта и родителя остается. При этом абсурдно объявлять родителей экспертами только потому, что у их ребенка аутизм и принимать их в качестве надежного источника для исследований. Исследование родителей детей-аутистов традиционно проводилось на основе анкет и опросников, было показано, что эти родители не имеют каких-либо особых черт.

Л. Винг писал, что многие аутисты – это потенциально нормальные дети, чья социализация так или иначе пошла неправильно, а во-вторых: это часто можно связать с чем-то в условиях раннего развития – иногда с пугающим происшествием, но чаще всего с чем-то в поведении родителей, в особенности матерей. Мы не обвиняем этих несчастных родителей. Они были либо просто неопытными (отсюда, возможно, высокая заболеваемость среди первенцев); или чрезмерно тревожными; или чрезмерно навязчивыми; или, чаще всего — это люди, которые сами находятся в стрессе. По этой и многим другим причинам родители аутистов заслуживают такого же сострадания и, возможно, так же нуждаются помощи, как и сами аутисты [33].

Wing указывал также на механизм оформления стигматизации:

Другие родственники могут оказать помощь и поддержку, но иногда их отношение может быть менее конструктивным. Они могут чувствовать, что ребенок-инвалид позорит всю семью (не учитывая того факта, что у всех семей когда-то в их истории были родственники-инвалиды). Они могут пытаться переложить вину на одного или другого родителя или же критиковать решения, которые родители принимают относительно домашнего или интернатного ухода за ребенком, а также критиковать их методы обучения и воспитания. Хуже всего то, что они могут отвергать ребенка и избегать встречи с ним, не вовлекать его в семейные дела, поездки или встречи [19; 33].

Великолепным обобщением Е. и Н. Тинберген Б. Шмидт подводит итог анализа сложного амбивалентного отношения родителя к ребенку:

«Конечно, очень больно думать, что родитель мог внести свой вклад в катастрофу, случившуюся с его ребенком. Это делает принятие теории психогенного происхождения аутизма эмоционально практически невозможным для родителей аутичных детей, даже перед лицом весьма убедительных доказательств. Мало того, что существует такое иррациональное сопротивление конкретно этой идее и желание, чтобы генетическая или какая-либо другая случайность лежала в основе аутизма, но родители, опять же вполне естественно, также чувствуют, что приверженцы психогенной теории жестокости по отношению к ним. Как неоднократно говорил нам доктор Л. Винг: «Вы жестоки к матерям». Тем не менее, когда мы публикуем то, что считаем хорошим аргументом в пользу преимущественно психогенного происхождения аутизма, мы делаем это потому, что шансы детей на выздоровление – или на предотвращение развития аутизма – повышаются за счет терапии, основанной на этом понимании; и интересы детей должны быть на первом месте. Если нам приходится выбирать между причинением боли некоторым матерям и отказом спасти множество детей из этой катастрофической нисходящей спирали, то мы чувствуем, что у нас нет другого выбора, кроме как «быть жестокими по отношению к матерям». Не стоит забывать, что то, чувствует мать себя обиженной или нет, столкнувшись с психогенным пониманием причин аутизма, во многом зависит от нее – нам знаком ряд матерей, каждая из которых выбрала преодолеть свое чувство вины или, скорее, сублимировать его в огромные усилия, чтобы помочь своему ребенку, и в ряде случаев с выдающимся успехом. Такие матери говорили нам о своем счастье после этого достижения, которое бы они упустили, если бы мы, или они сами, не были «жестокими» [31; 32].

Продолжение следует...

Библиографический список:

1. Башина В. М. Аутизм в детстве. М.: Медицина, 1999. 236 с.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Издательство «Лабиринт», 1999. 352 с.
3. Выготский Л. С. Основы дефектологии. СПб.: Лань, 2003. 654 с.
4. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

5. Гальперин П. Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Изд-во Моск. ун- та, 1985. 44 с.
6. Лебединская К. С. Дети с нарушениями общения: Ранний детский аутизм / К. С. Лебединская, О. С. Никольская, Е. Р. Баенская и др. М.: Просвещение, 1989. 95с.
7. Лебединский В. В. Аутизм как модель эмоционального дизонтогенеза // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1996. №2. С.18-24.
8. Лебединский В. В. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция / В. В. Лебединский, О. С. Никольская, Е. Р. Баенская, М. М. Либлинг. М.: Изд-во МГУ, 1990.
9. Хозиев В. Б. Аутизм как фокус-тема современной психологии развития и клинической патопсихологии // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2017. №1. С. 42-53.
10. Хозиев В. Б. Аутизм: детское развитие «мимо игры и культуры» // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2018. №2. С. 29-53.
11. Хозиев В. Б. Опосредствование в теории и практике культурно-исторической концепции // Культурно-историческая психология. №1. 2005. С. 25-36.
12. Шмидт Б. Аутизм и сексуальность / Б. Шмидт, К. Дёлер, Д. Дёлер // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2018. №2. С. 9-29.
13. Шмидт Б. На пути теории аутизма // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2017. №1. С.27-42.
14. Щелованов Н. М. О воспитании в домах младенца // «Вопросы материнства и младенчества». 1938. № 3-5.
15. Ainsworth, Mary D. Salter, Andry, R. G, Harlow, Robert G, Lebovici, S, Mead, Margaret. et al. (1962). Deprivation of maternal care: a reassessment of its effects [Electronic resource] / contributors, Mary D. Ainsworth ... [et al.]. World Health Organization. Available at: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/37819> (accessed date: 30.05.2022).
16. Barrett S. (2020): A Critical Look at Defeat Autism Now! and the «DAN! Protocol» [Electronic resource] // Quackwatch. Available at: <https://quackwatch.org/consumer-education/nonrecorg/dan/> (accessed date: 24.09.2020).

17. Bethlehem R. Structural Covariance Networks in Children with Autism or ADHD / R. Bethlehem, R. Romero-Garcia, E. Mak, E. Bullmore, S. Baron-Cohen // *Cerebral Cortex*. 2017. №27 (8). Pp. 4267–4276.
18. Bowlby J. Attachment and loss. №1: Attachment. 3 Bände. New York: Basic Books, 1969.
19. Elgar S. Teaching Autistic Children / S. Elgar, L. Wing. London: College of Special Education and N.S.A.C., 1969.
20. Schmidt B. – Sexualität – Partnerschaft. 1. Auflage / B. Schmidt, C. Döhler, D. Döhler. Norderstedt: Books on Demand, 2017. 152 p.
21. Schmidt B. Autism and the Refrigerator Mother Myth: A Rehabilitation of Bruno Bettelheim: Books on Demand, 2019. 76 p.
22. Schmidt B. Autismus und der «Kühlschrankmutter Mythos» Eine Rehabilitierung Bruno Bettelheims: Books on Demand, 2017. 78 p.
23. Schmidt B. Autist und Gesellschaft - Ein zorniger Perspektivenwechsel: Band 2: Hilfen für Autisten? : Books on Demand, 2019. 220 p.
24. Schmidt B. Autist und Gesellschaft. Ein zorniger Perspektivenwechsel. Bd. 1. Autismus verstehen. 2nd edition: Books on Demand, 2021. 146 p.
25. Schmidt B. BauSÄTZE: Begriffe – Gedanken – Hypothesen – Theorien II. Beiträge zur Wissens(chaft)s-Psychologie: Books on Demand, 2019. 70 p.
26. Schmidt B. Das Münchhausen Stellvertreter Syndrom als Gruppenphänomen Beiträge zur klinischen Sozialpsychologie: Books on Demand, 2020. 96 p.
27. Schmidt B. Gnothi seauton Autismus «Blaming the Parents» Forschung zwischen Dogma und Tabu: Books on Demand, 2020. 96 p.
28. Schmidt B. Klartext kompakt: Das Asperger Syndrom – nicht nur für Psychotherapeuten / B. Schmidt, A. Ganz. Norderstedt: Books on Demand, 2016. 124 p.
29. Skinner B. Futurum zwei. Die Vision einer aggressionsfreien Gesellschaft. 83-85. Tsd. / B. Skinner, M. Beheim-Schwarzbach. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verl, 1988.
30. Skinner B. The Shaping of a Behaviorist. New York: Knopf, 1979.
31. Tinbergen E. Early childhood autism – an ethological approach / E. Tinbergen, N. Tinbergen. Berlin: Parey, 1972. 53 p.
32. Tinbergen N. «Autistic» children. New hope for a cure / Tinbergen N., Tinbergen E. London: Allen & Unwin, 1983. 362 p.

33. Wing L. Early childhood autism. Clinical, educational and social aspects. New York, Oxford: Pergamon Press, 1976. 342 p.

Schmidt B., Khoziev V. B. **Theoretical and empirical models of parenthood in childhood autism (ASD). Pt. I**

Abstract: The article analyzes psychological approaches to the problem of parenthood in the autism of a child. The complex phenomena of accepting and not accepting a child with ASD in the family, the peculiarities of the dynamics of maternal attitude and the process of building relationships between parents and doctors and defectologists, as well as the ideas existing in psychology about the «refrigerator» mother as the cause of childhood autism are considered.

Keywords: early childhood autism, autism spectrum disorders (ASD), parenthood, Munchausen syndrome by proxy

УДК 159.9.01

Б. Шмидт, В. Б. Хозиев

Теоретические и эмпирические модели родительства при детском аутизме (РАС). Часть II

Аннотация:

В статье проводится анализ психологических подходов к проблеме родительства при аутизации ребенка. Рассматриваются сложные феномены принятия и непринятия ребенка с РАС в семье, особенности динамики материнского отношения и процесс выстраивания отношений родителей с медиками и дефектологами, а также существующие в психологии представления о «холодной» матери как одной из причин детской аутизации.

Ключевые слова: ранний детский аутизм, расстройства аутистического спектра (РАС), родительство, синдром Мюнхгаузена по доверенности

Об авторах: Бернхард Шмидт, организатор системы реабилитации и абилитации для семей аутистов, Рурский университет в Бохуме, Германия; эл. почта: gmbh@solidarhotel.de

Хозиев Вадим Борисович, доктор психологических наук, профессор, Государственный университет «Дубна», зав. кафедрой клинической психологии факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: v_hoziev@mail.ru

Карл Витакер: «Когда семья в отчаянии, она меняется, если нет — остается прежней... Как человек имеет право на самоубийство, семья имеет право на самоуничтожение».

В какой-то момент исследовательской и общепринятой практики работы с детьми с РАС на Западе стало ясно, что благополучие детей больше не стоит на первом плане, там теперь благополучие родителей. Таким образом, вопрос уже не в том, как помочь аутичным детям, а в том, что хорошо для родителей.

Л. Винг полагал, что когда родители впервые понимают, что с их ребенком что-то не так, они отчаянно надеются, что врачи смогут улучшить его состояние [29]. *На первую встречу они идут с высокими ожиданиями, которые обязательно не сбудутся. Иногда они испытывают гнев и горечь, направленные на самого врача и, возможно, обращаются за советом в одну клинику за другой. Это пустая трата времени, и она может даже нанести вред семье, если родители никогда не смогут смириться с реальностью.*

Проблема усугубляется тем, что во время своих хождений родители могут встретить множество различных теорий, и это сбивает их с толку, и они впадают в депрессию. Иногда они даже встречают профессионалов, которые сначала считают, что могут вылечить ребенка с помощью психологической помощи. А через некоторое время становится очевидно, что этого не произойдет. Этот терапевт может решить прекратить лечение, а родители почувствуют себя разочарованными, и что их ребенка снова отвергли.

Таким образом, формируется своего рода кодекс поведения для родителей. Например, «нормальные» родители ставят благополучие своих детей выше собственного. Они не спрашивают, кто виноват, а спрашивают, как лучше всего помочь своим (аутичным) детям. «Нормальные» признают и принимают различия в компетенциях между собой и учеными и не объявляют себя «экспертами». Они без уважительных причин не называют своих детей умственно отсталыми и не отказывают своим детям в возможностях развития, только чтобы не разочароваться или не нести ответственность за развитие своего ребенка. «Нормальные» родители не дают дрессировать своих детей методам АВА, не запирают своих детей в «детских инкубаторах», а естественным образом обеспечивают своим детям социальное взаимодействие, необходимое для развития.

Теории психологии имеют прямое влияние на людей. Ошибки в психологии приводят к ошибкам в людях! Категорический отказ детям в возможности обучения и лечения, независимо от того, страдают они аутизмом или нет, оказывает прямое, да еще и негативное влияние на жизнь этих детей. Необоснованное лишение родителей надежды на возможность положительно влиять на расстройство их ребенка отрицательно сказывается на жизни этих родителей. Введение их в заблуждение относительно вариантов терапии, которая якобы возможна только с помощью АВА или ТЕАССН, негативно влияет на жизнь детей и их родителей [5; 7-13; 15; 17]!

Психология как будто находится в позиции поручителя, у нее есть особая ответственность перед другими. Поэтому главным приоритетом не только в медицине, но

и в психологии должно быть «*gratum non nocere*»! Названные нами догмы самореализуются и создают как теоретическую (в области исследований), так и практическую реальность. *Догма и табу* взаимосвязаны. Догма затрагивает «внутренний круг», то есть тех, кто находится в рамках системы убеждений, в «сообществе невежества». Догма ведет к нападкам (обвинению *со стороны* родителей) или игнорированию различных мнений и подходов. Табу, с другой стороны, не позволяет тем, кто находится вне этого круга, делать это, хотя их научным, а также человеческим долгом было бы указать на ошибки и альтернативы. В виде табу реализуется пассивное избегание. Так, при отсутствии как внутренних, так и внешних импульсов, исследования аутизма оставались статичными и изолированными в течение полувека. Результат – гипертрофия исследований в области аутизма. Никакая другая область не финансировалась так хорошо в прошлом и сейчас, ни в одной другой области психических расстройств не было и близко так много исследовательских проектов и публикаций – и все безуспешно [19; 25; 27; 28].

Здравый смысл и старый добрый консерватизм – вот идейные вдохновители Б. Шмидта. В отличие от бихевиористов он прекрасно понимает, что разрушение, быть может, основного цивилизационного достижения – любви матери к ребенку – обрушивает и судьбы конкретных детей. Присмотритесь к проблемной и некритичной российской практике работы с детьми с РАС: легко видеть, даже в многочисленных видеопримерах на видеохостингах, как «просвещенные» бихевиоризмом коллеги-психологи загоняют с помощью нелепейших повторений речь и активность детей в прокрустово ложе реактивного ответа, как павловскую собаку в лай на лампочку. «Технологичность», «методичность», «прагматичность» – все это меркнет перед глупостью и бесчеловечностью этого подхода. Трагедия в том, что все это делается от имени науки. Когда мы с ужасом видим, какое влияние эта красивая обертка оказывает на родителей, то становится уже не до научных споров, а необходимо думать о настоящем спасении детей.

Еще одной важной координатой родительского поведения в отношении ребенка с РАС Б. Шмидт выделяет описанный Р. Мидоу в 1977 г. *синдром Мюнхгаузена по доверенности* (Munchausen syndrome by proxy – MSbP) [20; 22-24; 26; 27; 30]. В основе синдрома – сложное поведение родителя или опекуна (нарциссическое, психопатическое, шизоидное или гистрионное, смешанное и др. – в каждом конкретном случае необходима своя нозологическая квалификация (симптоматическая и этиологическая)), причиняющее вред или ложные симптомы болезни детям, находящимся на их попечении (обычно их

собственным детям), чтобы привлечь внимание и сочувствие медицинского персонала (или доступного окружения). Некоторые из этих родителей, безусловно, сами являются жертвами патологического развития, но продолжают усугублять положение и состояние тех, кто находится в их ведении. Фрай и др. пишут, что обзор новейшей литературы и данные опыта указывают на то, что MSbP уже от единичных случаев перешел к более массовой практике, в частности, в образовательных учреждениях, при этом все активнее востребуются варианты образовательных программ для детей с реальными или сфабрикованными физическими симптомами инвалидизации, которые требуют чрезмерного или ненужного обучения [21]. Тщательное отслеживание коллизий клинических случаев сопровождения детей с РАС [18; 21] дает весьма сложную картину мотивации родителей с MSbP: финансовая или материальная выгода; снятие вины с лица, осуществляющего уход, за трудности, связанные с воспитанием и поведенческие проблемы ребенка; сохранение близости к ребенку; негатив по отношению к ребенку или разочарование в нем и др.

К. Аюб и др. представили тематические исследования двух родителей, которые просили, чтобы их дети были направлены на специальное образование, даже несмотря на то, что детские учителя не нашли оснований для беспокойства [14]. Одна мать упомянула о своих двух младших дочерях после того, как ее старший сын был помещен в специальное образование из-за поведения, похожего на синдром Аспергера. Мать настаивала на оценке школьными специалистами и независимой оценке, оплачиваемой школьным округом. Медицинское тестирование врачами сопровождало образовательные оценки. Все результаты указывали на отсутствие проблем с обучением. Несмотря на эти результаты, средний ребенок принимал риталин от СДВГ, а младший ребенок был помещен в ту же специальную школу, которую посещал ее брат [21].

Симптоматика MSbP может быть сложной и невыраженной, например, М. Фельдман свидетельствовал, что лишь изредка матери с готовностью признают свою роль в MSbP. Нарочитая аггравация состояния ребенка или аффектация родителя при общении с медиками или дефектологами привычно связываются ими с борьбой за здоровье ребенка. [20] А здесь все средства хороши. Но подобное «борющееся» с окружением или жизненным «роком», с неясными причинами болезни поведение способно приносить и первичный, и вторичный урон и ущерб ребенку: его психике, развитию, ССР. В основе этой патологической мотивации – потребность во внимании, ощущение жизненной несправедливости, встречается также мифомания,

характеризующаяся показухой и преувеличением симптомов болезни, а также желание замаскировать свое жестокое обращение с ребенком с РАС. MSbP сегодня встречается гораздо чаще, чем раньше.

Б. Шмидт обращает внимание на еще один важный аспект, своего рода «группообразование» в главе с родителями с MSbP. От индивидуального синдрома в условиях мощной социальной и финансовой поддержки родителей аутистов происходит переход к систематическому привлечению внимания общественности и ближайшего окружения к «своей грустной доле» для удовлетворения нарциссических потребностей. Разумеется, всегда есть важнейший аргумент – поиск наилучшей доли для своего ребенка. Отрицательные черты таких групп – догматизация, ограничение и фальсификация информации о детях с РАС, методах работы с ними, обман «опекунов» и общественности, иррациональное поведение.

Типологизация родителей аутистов – вполне достойная современная задача по структурированию исследуемой области. Приведем один пример.

Первый тип, мать, которая не ищет помощи. Она приходит нередко из неблагополучной семьи с целью добиться уважения и внимания. Ее беременность была неожиданной, и часто она воспитывает ребенка одна. В основном она согласна на диагноз, лечение ребенка и на приемную семью.

Второй тип, мать – «активный преступник». Она способна использовать очень агрессивные и вредные методы, чтобы оберегать ребенка. Он характеризуется эмоциональной нестабильностью, депрессией и сильным механизмом отрицания.

Третий тип, мать, которая чувствует потребность быть самым важным человеком во время лечения. Она обладает медицинскими знаниями, предлагает врачам свои решения, пытается их обдумать, вследствие чего может подорвать компетенцию врачей. Она чувствует себя важной, и это тип, который ищет помощи. Она ждет интереса и внимания со стороны медперсонала [22].

Опыт кросс-культурного анализа показывает, что России предстоят существенные организационные и содержательные шаги, в том числе, в сторону родителей и опекунов детей, чтобы принципиально изменить ситуацию работы с детьми с РАС и их семьями. Для нас важно не повторить грубых европейских ошибок, взяв самые ценные достижения и сориентировав создаваемую систему сопровождения детей с РАС на лучшие образцы гуманизма и отечественной психологии.

Если характеризовать психологическую архитектуру детско-родительских отношений родителей и детей с РАС, то и поверхностно, и глубинно заметно противоречие между воспитательными императивами *«терпи, так надо»* и *«я тебя все равно люблю»*. Об этом, вероятно, впервые написал Б. Беттельхейм, обратив внимание на амбивалентность матерей аутистов, обусловленную неподготовленным опытом столкновения с первыми эмоциональными реакциями ребенка (будь то единичные признаки ухода ребенка от контакта со взрослым или даже проявления эмпативного характера) [1; 16]. Этот опыт расценивался мамой неверно, например, как знак неприятия ее ребенком, или как проявление его дискомфорта, что порождало у нее негативную оценку себя и своих действий, и нередко формировало чувство вины. Мать стремилась оказывать заботу и любовь к ребенку, но не имела средств и четких и присвоенных ориентиров рационального понимания его актуального состояния, старалась механически приложить заданные в культуре правила, нормы материнства без глубокой ориентировки на состояние ребенка и его возможности. Конечно, такого рода противоречия оказываются свойственны не только родителям детей с РАС, но у данной категории родителей эта дезориентированность в итоге ведет к нарастанию патогенности ССР [10; 12; 13].

Как складывается образ проблемы у родителей с дизонтогенезом своего ребенка? Содержание образа замирает в пространстве между *«видеть не хочу эту проблему»* и *«что-то нужно объяснить себе, близнему и дальнему социуму по поводу своего ребенка»*. Никто из родителей априори не знает, как себя вести в ситуации жизненной драмы с заболевшим или находящимся в дизонтогенезе ребенком. Практически отсутствуют проверенные и апробированные социальные ориентиры, поскольку каждому из родителей на этой начальной стадии кажется, что с ними-то все в порядке, сейчас только чуток что-то подправим, и все наладится. Минимально и только тем, кто уже способен сориентироваться, помогает «внутрикорпоративный» родительский опыт тех, кто уже давно болеет или пытается лечиться. Но в целом наблюдая, с каким чудовищным порой смирением, покорностью и некритичностью родители больных детей принимают, в том числе, ошибочные диагнозы, непродуктивные коррекционные упражнения и средства лечения, приходишь к выводу о правоте Беттельхейма в отношении их искаженной мотивационно-потребностной сферы.

Условно выделим три этапа трансформации принятия проблем своего ребенка с РАС: 1) согласие с точкой зрения внешнего социума (социальная желательность: «доктор

сказал», «все так делают»); 2) преодоление социальной желательности, но беспорядочный поиск все новых и новых средств и методов работы со своим ребенком («никому не верю»); ориентировка пока поверхностна, приблизительна, несущественна; 3) более менее последовательные попытки ориентироваться на изменения в состоянии и поведении своего ребенка, преодоление несущественности собственных обобщений опыта.

Проследим эти этапы в одном из наших «типичных» консультативных случаев. К нам обратилась мама 5-летней девочки (К.) с запросом на развивающие и коррекционные занятия [3; 9; 10]. В поведении ребенка присутствовала симптоматика РАС (кружения вокруг оси, псевдоглухота, аутоstimуляция, ЗРР, нередкое избегание зрительного, тактильного контакта, аффективные вспышки по типу плача, крика и т.д.).

С самого начала мама очень тревожно и с высоким долженствованием отнеслась к своей роли, старалась походить на идеал, попутно часто теряясь при столкновении со сложными коллизиями, испытывая чувство вины за свою материнскую «несостоятельность», полагаясь на советы близких и «знающих» врачей и дефектологов без самостоятельного осмысления проблемы (переживала из-за любой болячки ребенка, предвосхищала возможные трудности и реализовывала гиперопекающее поведение по отношению к девочке, старалась минимизировать ее ошибки и неудачи, чрезмерно следила за чистотой и т.д.). В момент очередной тяжелой соматической болезни ребенка по рекомендации врачей мамой был реализован курс приема антибиотиков, после чего не было проведено никакого восстановительного для микрофлоры желудка и кишечника лечения. Немного позже запущенная проблема с кишечником привела их на развивающие занятия в наш центр (проблема дополнительных занятий была поставлена сначала неврологом, а позже и воспитателями, которые стали замечать задержку в развитии у ребенка, немотивированные истерики, сильный симбиоз с мамой, отсутствие речи). Несколько занятий мама водила К. на групповые занятия, однако вскоре стало заметно, что К. перед входом в группу необходима индивидуальная работа. Попутно мама старалась соблюдать назначения неврологов и реализовывала фармакологическое сопровождение, советуясь с нами, нужно ли переводиться в коррекционный сад (т.к. воспитатели настаивали) и т.д.

После введения в работу критериев общения и взаимодействия появляются первые значительные изменения в отношении мамы к проблеме. Так, она начинает уже со скепсисом делиться с нами новыми «гипотезами» и мнениями воспитателей, медсестер сада, неврологов, которые ранее она воспринимала как важные, начинает посещать

дефектолога, методы которого можно назвать «дрессурой», решает начать курс массажа для ребенка, и, как только выпадает возможность, везет К. на консультацию к зарубежному специалисту, параллельно посещая с ребенком индивидуальные занятия в нашем центре. Основными для мамы становятся нередко противоречащие и меняющие друг друга принципы «никому не верю» и «что-то, да поможет».

После того, как нами были начаты отдельные индивидуальные встречи с мамой (1-2 раза в месяц) по вопросам развития ребенка и обсуждения динамики, в мотивации появляется «ориентировка на существенное». Через обсуждение и объяснение приходит понимание условий и причин проблемы (было принято решение проверить гипотезу о соматическом неблагополучии и найти качественного специалиста-гастроэнтеролога, после чего подтвердился факт патогенной микрофлоры кишечника и желудка, что и провоцировало сильные спазмы и болевые ощущения у ребенка, а симптоматически выглядело как немотивированные истерики). Стало возможным планирование работы по нескольким линиям (сглаживание соматического фона, что открывало возможность освоения ребенком психологических задач, а также построение способов и средств взаимодействия с ребенком с ориентировкой на ЗБР).

Важнейшим новообразованием мамы на данном этапе стала ее ориентировка на состояние ребенка. Отметим: тщательный самостоятельный контроль за восстановлением микрофлоры, изучение исследований в этой сфере, консультации со специалистом, а также анализ опыта других родителей из тематических форумов перед принятием той или иной рекомендации, ведение дневниковых записей состояния ребенка, фиксация знаков положительной или отрицательной динамики и, как следствие, тонкое понимание предвестников соматического ухудшения и принятие своевременных мер по их предотвращению, исполнение рекомендаций психолога по обустройству развивающего контекста дома, отстаивание сохраненных возможностей ребенка перед работниками сада, врачами, близкими, игнорирование ошибочных диагнозов, поставленных без тщательной подобранной для того аргументации, сужение круга абилитационных мероприятий (решительный отказ от некомпетентного дефектолога и невролога, препаратов, прописанных «наобум» и т.д.).

Как сделать отношения с родителями детей с РАС продуктивными и развивающими? Нужна тонкая одновременно эмпативная и формирующая работа с родителями, которую лучше назвать «психологическим сопровождением», имея в виду освоение и критический анализ предшествующих мотивов, которые феноменологически

уже почти застыли и превратились в ригидные «установки». Консервативные, редко последовательные и рациональные, но эмоционально защищенные, многократно продавленные социумом, сопровождающиеся усвоенными противоречивыми суждениями и оценками медицинских и дефектологических экспертов – когда в конкретной консультативной родительской ситуации анализируешь единство мотивационных трендов (векторов), то невозможно не заметить чрезвычайную разрозненность, неустойчивость и эмоциональную, в полном смысле значения слова «синкретическую» подвижность всей конструкции [12; 13]. То соседи по несчастью принесут новость о гигантских возможностях АВА–терапии, и нужно все бросить и бежать в ту сторону, то Томатис – и теперь уже в другую сторону, то еще что-то, теперь диетное, психофармакологическое и т.д. – и вот новая цель. При этом вершину мотивационной иерархии возглавляет трудно артикулируемое, но подозреваемое во всех родителях «гляньте, мы же все делаем для своего ребенка». Поэтому «размышление» – «проба», «проба» – «размышление» – таков верный внутренний ритм психологического сопровождения родительства. Свои обобщения динамики родительского отношения к аутизму в зависимости от родительского преморбида представим в таб. 1.

Таблица 1. Общая схема динамики родительского отношения к аутизму.

Типы отношения	Стадии развития РАС: 1. Установление проблемы	2. Принятие диагноза	3. Развертывание родительского копинга	4. Отношение к хронизации РАС	5. Отношение к неудачам лечения
А. Пассивное, безразличное	Пассивное	«Анозогностическое»	Вялое и непоследовательное	«Фаталистическое»	Неадекватное, без поправок и обратной связи
В. Гиперактивное	Отрицание	Негация, стресс, переживание	Бурная активность, случайный перебор	Отрицание	Отрицание

			методов		
С. Шизоидное	Невключенность	Ригидное	Распад и деструкция ССР	Безразличие	Алекситическое
Д. Истероидное	Неприятие проблемы, протестность	Непонимание сути диагноза	Демонстративность	Игнорирование	Имитация понимания, без поправок
Е. Адекватное	Прояснение этиологии	Открытие симптоматики РАС	Диалог в рамках ССР	Адекватный копинг	Адекватная коррекция действий

Отличительной особенностью современной ситуации с РДА является то, что установленные, к примеру, нашим подопечным диагнозы были очень неточны и не существенны для характеристики их состояния (поэтому мы склонны использовать термин РАС вместо РДА). Работа с подопечными строилась в попытке реализовать комплексный подход к развитию личности подопечных. Вообще, когда ребенок нормален, он ориентирован на взрослого, который выступает образцом деятельности, поведения, общения. Социализация ребенка начинается с первого вдоха ребенка через ухаживание, общение со стороны близкого взрослого. В случае же аномального развития важнейший этап в младенчестве может быть затруднен по причине своеобразного развития (первичного дефекта). Ребенок в этом случае не ориентируется ни на предмет, ни на взрослого, ни на социальную норму поведения. Развал культурных форм взаимодействия происходит уже в непосредственно-эмоциональном общении между ребенком и взрослым [10; 11; 13]. Родитель, не ориентированный в этапах развития младенца, не замечает этот развал или не придает этому значения, думая, что ребенок «перерастет». И когда ребенок-аутист уже оброс всевозможными симптомами, отчаявшийся родитель бежит за помощью к специалистам. В результате нередко у ребенка исчезает последний шанс установления связи со взрослым, поскольку центром изменений состояния ребенка медики начинают полагать фармакологические препараты, но это – ошибка, психологическое развитие

устроено иначе [2; 5-8]. Позднее на фоне приема препаратов начинают накапливаться элементы вторичного дефекта, к тому же ребенок начинает развиваться вне детского коллектива, вне сотрудничества, которые и являются основными условиями детского культурного развития.

Как только родители узнают страшное слово «аутизм» от специалиста, чаще всего у них формируется колоссальное чувство вины перед ребенком. С ребенком начинают обращаться как с особенным, родители чаще всего начинают реализовывать гиперпекающий стиль поведения, который подразумевает «сделаю все за ребенка». Обычно мама с ребенком вступают в симбиоз, этот симбиоз полезен для аутиста в том случае, если он попадет в руки хорошего специалиста. В нашей практике имелся подобный случай, действительно, близкие отношения ребенка с мамой «смягчали» аутизацию, делая его «белым и пушистым», не давая дефекту обрасти множественными вариациями тяжелой симптоматики. Правильное психологическое сопровождение и расширение симбиоза до совместной деятельности дают высокую динамику. В этом случае симбиоз является неким сохранным звеном ребенка, в котором лежит путь развития.

Очерк психологического состояния родителей, пусть и краткий, приводит нас к таким выводам. Развитие родителей – оно может происходить при любом варианте дизонтогенеза ребенка с РАС, но как, по каким направлениям, какие кризисы переживаются попутно? Идея, в свое время намеченная Выготским и развиваемая нами, состоит в том, что для понимания любого события внутри ССР необходимо расширять контекст рассмотрения проблемы. Только с этой колокольни открывается подлинное значение любого феномена, психологического события, вектора движения и др. И рассматривать явление необходимо прежде всего с точки зрения развития, вводя третье измерение, наряду с исследованием структуры и функций. И это не просто аддитивное или эклектическое дополнение, но системный переворот: теперь генезис, структура и функции выступают не сами по себе, но *генетическими становятся и структура, и функции.*

Нет сомнений, что родителям очень трудно в ситуации РАС своего ребенка. Всегда непонятны причины, почему это произошло именно с нами, за что, что с этим делать, что будет дальше? Родителям сложны для постижения методы диагностики и коррекционно-развивающей работы, невыносимо ожидание между началом психологической работы с ребенком и первыми более менее внятыми получаемыми результатами.

Неопределенность проблемной ситуации рождает остроту эмоциональных переживаний, возникают внутрисемейные конфликты, аномальность ребенка приводит к поиску виноватого, а в ближайшей перспективе, особенно на фоне крайне слабых результатов фармакологической, неврологической и психологической поддержки, ввергает родителей (или одного из них) в отчаяние. Драматичная амбивалентность отношения к ребенку, апология родительской вины: скрытая, открытая или замаскированная, необходимость трансформации уже выстроенных патологических форм копинга, накопленная годами и ложным опытом неэффективная коммуникация с ребенком и слабо развитая совместная деятельность и др. – обстоятельный список острейших родительских проблем практически в каждом консультативном случае ждет своего психологического участия и решения.

Библиографический список:

1. Беттельхейм Б. Пустая крепость. Детский аутизм и рождение Я: Пер. с англ. 3-е изд. М.: Академический проспект, 2017. 484 с.
2. Выготский Л. С. Основы дефектологии. СПб.: Лань, 2003. 654 с.
3. Козырькова Д. С. Включение родителей и детей с РАС в совместную деятельность с психологом. ГБОУ ВО «Университет «Дубна». Дипл. работа. Дубна, 2022.
4. Лебединская К. С. Дети с нарушениями общения: Ранний детский аутизм / К. С. Лебединская, О. С. Никольская, Е. Р. Баенская и др. М.: Просвещение, 1989. 95 с.
5. Лебединский В. В. Аутизм как модель эмоционального дизонтогенеза // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1996. №2. С.18-24.
6. Лебединский В. В. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция / В. В. Лебединский, О. С. Никольская, Е. Р. Баенская, М. М. Либлинг. М.: Изд-во МГУ, 1990.
7. Либлинг М. М. Десять аргументов против АВА-терапии // Альманах Института коррекционной педагогики РАО. 2014. №20. С.27-39.
8. Либлинг М. М. Роль игры в коррекционной работе при расстройствах аутистического спектра // Альманах Института коррекционной педагогики РАО. 2017. №28. С.67-75.
9. Пирайнен А. Н. Принципы клинико-психологического сопровождения детей с РАС (3-11 лет). ГБОУ ВО «Университет «Дубна». Дипл. Работа. Дубна, 2021.

10. Хозиев В. Б. Динамика квазипотребности в ходе психологической работы с родителями детей с РАС / В. Б. Хозиев, А. Н. Долженко // Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 2020. С. 527-533.
11. Хозиев В. Б. Практикум по психологии развития, педагогической психологии и психологии аномального развития: учебное пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального университета, 2020. 768 с.
12. Хозиев В. Б. Психологическое консультирование родителей / В. Б. Хозиев, М. В. Хозиева, С. В. Дзетовецкая. М.: Изд-во МПСИ; НПО «МОДЭК», 2008. 504 с.
13. Хозиев В. Б. Феноменология и причины аутизации в российско-немецком кросс- культурном диалоге: новый раунд обсуждения // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2018. №2. С.6-9.
14. Ayoub C. Munchausen by proxy: presentations in special education / C. Avoub, H. Schreier, C. Keller // Child maltreatment. 2002. №7 (2). Pp. 149–159.
15. Barrett S. (2020): A Critical Look at Defeat Autism Now! and the «DAN! Protocol» [Electronic resource] // Quackwatch. Available at: <https://quackwatch.org/consumer-education/nonrecorg/dan/> (accessed date: 24.09.2020).
16. Bethlehem R. Structural Covariance Networks in Children with Autism or ADHD / R. Bethlehem, R. Romero-Garcia, E. Mak, E. Bullmore, S. Baron-Cohen // Cerebral Cortex. 2017. №27 (8). Pp. 4267–4276.
17. Bird G. Empathic brain responses in insula are modulated by levels of alexithymia but not autism / G. Bird, G. Silani, R. Brindley, S. White, U. Frith // Brain. 2010. №133 (5). Pp. 1515–1525.
18. Davis P. 40 years of fabricated or induced illness (FII): where next for paediatricians? Paper 1: epidemiology and definition of FII / P. Davis, U. Murtagh, D. Glaser // Archives of disease in childhood. 2019. №104 (2). Pp. 110–114.
19. Elgar S. Teaching Autistic Children / S. Elgar, L. Wing. London: College of Special Education and N.S.A.C., 1969.
20. Feldman M. Denial in Munchausen syndrome by proxy: the consulting psychiatrist's dilemma // International journal of psychiatry in medicine. 1994. №24 (2). Pp. 121–128.
21. Frye E. Factitious Disorder by Proxy in Educational Settings: A Review / E. Frye, M. Feldman // Educational Psychology Review. 2012. №24 (1). Pp. 47–61.

22. Majda K. Munchausen syndrome by proxy. Causes, signs and treatment / K. Majda, K. Dudzik, A. Jarząbkowska, O. Łakomska. 2019. №9 (9). Pp. 393-399.
23. Meadow R. Munchausen syndrome by proxy the hinterland of child abuse // *The Lancet*. 1977. №310 (8033). Pp. 343-345.
24. Rimland B. Infantile autism. The syndrome and its implications for a neural theory of behavior. 50th Anniversary Updated edition. Hg. v. Stephen M. Edelson. London: Jessica Kingsley Publishers, 2015. 352 p.
25. Schmidt B. Autismus und der «Kühlschrankmutter Mythos» Eine Rehabilitierung Bruno Bettelheims: Books on Demand, 2017. 78 p.
26. Schmidt B. Das Münchhausen Stellvertreter Syndrom als Gruppenphänomen Beiträge zur klinischen Sozialpsychologie: Books on Demand, 2020. 96 p.
27. Sheridan M. The deceit continues: an updated literature review of Munchausen Syndrome by Proxy // *Child Abuse & Neglect*. 2003. №27 (4). Pp. 431-451.
28. Waterhouse L. ASD Validity / L. Waterhouse, E. London // *Review Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2016. №3 (4). Pp. 302–329.
29. Wing L. Early childhood autism. Clinical, educational and social aspects. New York, Oxford: Pergamon Press, 1976. 342 p.
30. Zarankiewicz N. The art of cheating medical staff – Munchausen Syndrome by Proxy / N. Zarankiewicz, M. Zielińska, K. Kosz et al. // *Journal of Education, Health and Sport*. 2019. №9 (7). Pp. 766-774.

Schmidt B., Khoziev V. B. Theoretical and empirical models of parenthood in childhood autism (ASD). Pt. II

Abstract: The article analyzes psychological approaches to the problem of parenthood in the autism of a child. The complex phenomena of accepting and not accepting a child with ASD in the family, the peculiarities of the dynamics of maternal attitude and the process of building relationships between parents and doctors and defectologists, as well as the ideas existing in psychology about the «refrigerator» mother as the cause of childhood autism are considered.

Keywords: early childhood autism, autism spectrum disorders (ASD), parenthood, Munchausen syndrome by proxy

УДК 316

И. Н. Дубовская, К. А. Светош

**Потенциал креативных индустрий как драйвера культурной дипломатии в
России в XXI в.**

Аннотация:

Развитие креативных индустрий рассматривается сегодня как новая модель экономического роста городов, регионов и стран. Креативные индустрии обладают мощным коммуникационным потенциалом и с каждым годом увеличивают свое влияние на транслирование имиджа страны за рубеж, становясь драйвером культурной дипломатии. Авторы статьи задаются вопросами, как креативные индустрии развиваются в России, и какова их роль в условиях новых реалий. Раскрывая тему развития креативных индустрий в России, авторы приводят примеры того, как государство поддерживает развитие креативной экономики, каковы цели и меры поддержки.

Ключевые слова: креативные индустрии, креативная экономика, культурная дипломатия, креативность.

Об авторах: Дубовская Ирина Николаевна, кандидат культурологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, доцент факультета мировой политики; эл. почта: irina_dubovskaya@inbox.ru

Светош Ксения Александровна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, студент факультета мировой политики; svxenia@mail.ru

В современном мире роль креатива масштабируется, превращая его в доминанту экономического роста, развития культурной дипломатии и формирования имиджа страны. В XXI веке креатив стал объектом исследования многих научных дисциплин, включая экономику, международные отношения, социологию, маркетинг, урбанистику. В условиях активного развития интеллектуальной деятельности важным вопросом для культурной дипломатии становится использование креативных индустрий как драйвера имиджа страны за рубежом. Креативные индустрии активно расширяются, включая все новые профессиональные сферы, что способствует переходу к новому типу экономики.

В соответствии с «Концепцией развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года», в фокусе креативной экономики находится интеллектуальный продукт, обладающий экономической ценностью [10]. Сейчас к креативным индустриям относится большое количество отраслей, связанных с творчеством и технологиям: кино, музыка, телевидение, музеи, архитектура, мультимедиа, программное обеспечение. Становясь драйверами экономического развития, они с каждым годом увеличивают свою долю в мировом ВВП и в ВВП стран, в 2021 г. средняя доля сектора креативных индустрий в мировом ВВП составляла 6,6%.

Креативная экономика становится средством влияния на имидж страны и привлечения инвестиций, а интернационализация культуры делает ее инструментом политики, поэтому государства с каждым годом вкладывают все больше средств в развитие этого нового сектора экономики. В 2022 г. в свете ужесточения геополитической обстановки актуальность импортозамещения резко возросла. Креативные индустрии способствуют реализации этого направления, предлагая инновационные интеллектуальные продукты в различных сферах. Таким образом, на данный момент развитие креативных индустрий стало не столько трендом, сколько необходимостью.

Цель исследования заключается в определении роли и потенциала креативных индустрий как драйвера культурной дипломатии в России в XXI веке.

Для начала необходимо уточнить понятие «креативные индустрии», «культурная дипломатия» и «креативная экономика», и определить взаимосвязь между креативом и влиянием, которое он оказывает на культурную дипломатию страны. Термин «креативная экономика» напрямую связан с Джоном Хокинсом, который в своем исследовании определил ее как «сумму творчества и экономики, изменение отношений и сочетания которых привело к созданию исключительной экономической ценности» [12, с. 32]. Базисом креативной экономики являются оригинальность, индивидуальность и осмысленность, в отличие от традиционной экономики, где главенствуют такие привычные ресурсы, как труд, земля и капитал. Материализация креативных идей в области творчества с использованием инноваций является драйвером креативной экономики, которая «включает финансовые транзакции творческих продуктов» [1, с. 34-37].

«Креативные индустрии» – это термин для обозначения прикладного творческого процесса в сфере создания новых интеллектуальных продуктов путем внедрения

инноваций, к примеру кинематограф, фотография, программное обеспечение, компьютерные игры, деятельность музеев, галерей и библиотек. На сегодняшний день креативные индустрии играют значительную роль в нашей жизни, они имеют влияние на мнения, взгляды и понимание мира. Если постараться выделить то, что формирует наше представление о других странах, менталитетах, и в целом жизни, то в этом списке можно увидеть такие привычные для нас вещи, как: кино, музыка, изобразительное искусство, исполнительское искусство, галерейный бизнес, мода, издательское дело, реклама, дизайн и другие. В современном мире креативные индустрии — это огромное влияние, большие деньги и в какой-то степени политические игры.

Мы пришли к тому, что креативные индустрии перестали быть просто формой развлечения, а стали сектором экономики, который неуклонно растет и параллельно увеличивает прирост валового внутреннего продукта страны. Главный закон экономики об ограниченности человеческих и материальных ресурсов находит исключение в виде креативных индустрий, так как творческая и интеллектуальная деятельность безгранична [7, с. 111-113]. Культурные индустрии обладают интеллектуальным капиталом, который выступает неисчерпаемым ресурсом, и может быть расширен без привлечения дополнительной рабочей силы и капитала, также он содействует переходу от сырьевой экономики к инновационной, способствует развитию среднего и малого бизнеса. Благодаря этому мы видим растущий потенциал индустрий и увеличение влияния на экономику страны.

Креативность стала необходимым фактором для достижения успеха во многих областях. Политики, бизнесмены, дипломаты используют творчество и инновации для достижения своих целей. Применение инструментов креативных индустрий способствует развитию уникальных продуктов, и уникальных способов привлечения к ним внимания. Мы можем наблюдать, как активно используется маркетинг и реклама, которые являются отраслью креативной индустрии, для увеличения узнаваемости продукта или события, для освещения релевантных тем, для создания или улучшения имиджа политиков.

Р. Флорида является автором теории креативного класса, согласно которой есть определенный кластер людей, отличающихся от всех других тем, что они генерируют новые идеи и способствуют развитию инноваций, продуктом их деятельности являются экономические ценности. Креативный класс, выполняя свою работу, создает и проектирует что-то новое. Экономический рост напрямую зависит от инноваций, которые создаются креативным классом. Основа собственности членов креативного класса

нематериальна, им не нужно выбирать между «добром» и «злом» – работой и хобби. Их объединяют не только творческие способности, но и в целом одно видение мира, общие интересы, одинаковые предпочтения.

Места для своей деятельности и жизни креативный класс выбирает по количеству технологий, талантов и толерантности. Из этого следует ответ на вопрос, почему креативные индустрии сконцентрированы в крупных городах. В России на сегодняшний день существует всего 2 города, удовлетворяющие потребности творческих людей: Москва и Санкт-Петербург. Тем не менее другие российские города показывают потенциал развития креатива в своих регионах. Так, Казань, Краснодар, Калининград, Владивосток выступают перспективными и динамично развивающимися городами с точки зрения развития креативных индустрий [3, с. 67-69].

Концепцию креативного города предложил Ч. Лэндри, который определяет творческий город как территорию, «жители которой способны анализировать накопленный творческий капитал, наращивать его, а также использовать его в процессе конкуренции с другими городами» [8, с. 197-200]. Показателем креативности современных городов является не только концентрация креативных предприятий, крупного бизнеса и количества вкладываемых инвестиций, но и концентрация представителей креативного класса, профессионалов творческих и креативных индустрий: ученых, журналистов, программистов, предпринимателей, художников, режиссеров, инженеров и так далее. Деятели творческих индустрий стимулируют экономическое развитие городов, то есть главным ресурсом города, по мнению Ч. Лэндри, являются люди, их интеллект, творческие способности и креативное мышление. А население города он определял, как главный двигатель экономического развития в постиндустриальных городах. Помимо людей, драйвером экономического развития городов являются инвестиции. Города стремятся стать конкурентоспособными и более привлекательными для инвесторов, предлагая им территории для строительства и организации творческих кластеров и креативных профессионалов в лице своих горожан.

В России креативные индустрии впервые были упомянуты в 2014 г. в документе «Основы государственной культурной политики» [11]. Перечень видов деятельности был неполным, однако в него вошли: средства массовой информации, рекламное производство, мода, музыка, производство компьютерных игр, галереи, кино, телевидение и издательства. Это положило начало официальному закреплению креативных индустрий как отрасли экономики в нашей стране. В последнее десятилетие креативным индустриям

начали уделять все больше времени и на сегодняшний день в России креативными индустриями считают практически все проявления творчества в тандеме с технологиями: от компьютерных игр до ремесел, от библиотек до мультимедиа, от программного обеспечения до изобразительного и исполнительского искусства

Государство, в свою очередь, принимает все больше решений на правительственном уровне для продвижения, развития и наращивания креативного потенциала в России. 21 сентября 2021 г. Правительством РФ была утверждена «Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших агломерациях до 2030 года». Правительство поставило задачи и цели по укреплению креативной экономики, созданию благоприятной экосистемы для творческого предпринимательства, увеличению рабочих мест, поддержки малого и среднего бизнеса, остановке оттока умов из страны и увеличению доли сектора в ВВП страны.

На момент утверждения концепции доля креативных индустрий в экономике страны составляла 2,23% ВВП, что считается довольно низким показателем при среднем показателе в 6, 6% в мировом ВВП [10]. Для сравнения доля креативных индустрий в Великобритании – 5,5%, США и Китае – 4,2% [6]. К 2030 г. правительство планирует увеличить долю креативной экономики в ВВП до 6%.

Экспорт креативных индустрий помогает культурной дипломатии выполнять свои главные задачи: обмен идеями, ценностями, расширение сотрудничества с другими государствами, и самое важное, продвижение собственной культуры за рубеж, поскольку креативные индустрии являются каналами коммуникации и площадкой для междисциплинарного и международного сотрудничества. Таким образом, культурная дипломатия функционирует и выполняет свои задачи с помощью креативных индустрий. Если говорить о культурной дипломатии как о процессе продвижения и отстаивания интересов государства, то она может быть представлена в качестве инструмента для достижения этих целей с помощью культуры, науки и искусства, то есть с помощью креативных индустрий, которые повышают эффективность дипломатии.

Культурная дипломатия — это элемент мягкой силы государства, а креативные индустрии — это средства культурной дипломатии, который она использует для выполнения своих задач. В условиях политической нестабильности, ухудшения дипломатических отношений, сворачивания экономического сотрудничества, культура остается тем мостом, который сближает людей вне зависимости от их гражданства,

политических взглядов и национальности, несмотря на жесткое политическое давление и культуру отмены, когда русская классика извлекается из репертуара театров, расторгаются контракты с российскими исполнителями. Культуре приходится «держать удар». Культура уже не может быть вне политики, скорее она выходит на авансцену политических баталий. Российская культурная дипломатия борется с русофобией, со стереотипами о нашей стране и ее гражданах, популяризирует русскую культуру, опровергает фейковые новости и дезинформацию, используя креативные индустрии. Сами медиа также являются креативной отраслью экономики.

Например, Российское кино размещается на международных стриминговых сервисах. Так, американский сервис Netflix купил права на размещение российских фильмов и сериалов: «Брат», «Брат2», «Чернобыль», «Движение вверх», «Легенда №17» и другие. Эти фильмы, отображая нашу культуру и рассказывая нашу историю, знакомят зарубежную аудиторию с ценностями и менталитетом России.

На 2019 г. общий объем экспорта товаров креативных индустрий России составлял \$2,689 млрд, при дополнительном потенциале в \$3,296 млрд. Если говорить об отраслях, которые имеют большую долю экспорта креативных индустрий, то ювелирные изделия и изделия из драгоценных металлов представляют самую большую отрасль, экспортируя \$913 млн, далее идет мода (одежда) с экспортом в \$348,6 млн, после следует издательское дело с экспортом в \$211,8 млн [3, с. 54-66]. Тем не менее доля экспорта креативных индустрий остается невысокой. Санкции вносят поправки в возможность экспорта. Раньше государство отдавало предпочтение импорту творческих продуктов из-за рубежа, вместо создания оригинальных продуктов, это было связано с тем, что импорт и покупка готовых креативных товаров обходится дешевле, нежели инвестиции в создании отечественного продукта [14, с. 13-18].

Большинство телешоу на российском ТВ являются аналоговыми телешоу США. В частности, шоу «Голос» появился от американского шоу The Voice, программа «Кто хочет стать миллионером?» приехала к нам из-за рубежа, «Поле чудес» оказался клоном передачи «Колесо фортуны», точно так же, как и популярное шоу «Холостяк». Тем не менее в последние 5 лет в России было создано много популярных шоу, базирующихся на платформе YouTube: шоу «Что Было Дальше», набирает до 20 млн просмотров на каждом выпуске, шоу «Музыкалити» с несколькими млн просмотров под каждым выпуском.

С начала XXI в. правительство ежегодно выделяет миллионы долларов на реализацию культурной и публичной дипломатии, с целью улучшения международного

имиджа России и изменения общественного мнения о нашей стране, которое является очень неустойчивым. Спустя 20 лет инструменты влияния мягкой силы расширились и преобразовались. С развитием креативных индустрий появилось больше возможностей и вариаций эффективного достижения целей культурной и публичной дипломатии, например, присутствие представителей власти в социальных сетях, которое ускоряет процесс социальной коммуникации, позволяя политикам взаимодействовать с подписчиками. Присутствие в социальных сетях дает возможность заручиться общественной поддержкой и продвигать информацию оперативнее и с большей долей вовлечения аудитории.

В России возможность цифрового общения представителей власти через социальные сети только набирает обороты и не всегда используется эффективно. Причина не столько в нежелании политиков использовать социальные сети, а в социокультурных особенностях культуры с высокой дистанцией власти, что обуславливает сложность выбора правильного тона коммуникации, возможность обсуждать острые вопросы и формировать доверие. Однако постепенно тенденция меняется. Так, Д. Медведев 14 марта 2022 г. создал свой телеграмм-канал, где активно делится постами, на 12 апреля 2022 г. на канал подписано более 212 тыс. человек. Также 4 апреля 2022 г. был создан официальный телеграмм-канал Кремля. Новые виды креативных индустрий изменили образ жизни и заставили пересмотреть подходы к коммуникации и распространению информационного влияния.

Когда мы говорим о креативных индустриях России, центры предприятий в основном находятся в Москве или Санкт-Петербурге. К развитым, с точки зрения представленности креативных индустрий, относят всего 9 регионов с потенциалом развития выше среднего: Республика Татарстан, Свердловская, Ростовская, Нижегородская, Самарская, Тюменская, Новосибирская область [3, с. 99]. Отрасли промышленности имеют свойство сосредотачиваться в регионах с наиболее подходящими условиями, такими как дешевая рабочая сила, удобная и умная логистика, доступность ресурсов, налоговые послабления. Креативность отталкивается от уровня культуры населения, развития инфраструктуры города, поддержки регионального правительства, от социальной открытости, диверсификации экономики, уровня интеллектуального развития потребителя, от либерализации образования в городах, именно поэтому креативный сектор локализуется в крупных городах.

В Москве сконцентрировано основное количество креативных индустрий, большая часть инвестиций уходит в развитие столицы, поэтому Москва становится экономически привлекательным местом для развития креативных товаров и услуг. В Москве сконцентрировано более 150 тыс. компаний, работающих в творческих индустриях, с количеством работников в почти 500 тыс. человек [4, с. 172-175]. Благоприятная среда для развития способствует концентрации креатива в столице и притягивание креативных классов из периферий. Также Москва занимает третье место по количеству миллиардеров, проживающих в ней, уступая только Нью-Йорку и Гонконгу. 80% миллиардеров страны живут в Москве [9]. За счет этого город развивается не только благодаря вкладу государства, но и благодаря частным инициативам.

В 2020 г. в Москве было создано Агентство креативных индустрий по развитию и поддержке творческого бизнеса и креативной инфраструктуры Москвы. Агентство оказывает не только финансовую, но и консультативную, аналитическую, статистическую поддержку. Агентство ведет работу по масштабированию сегмента креативных индустрий в экономике Москвы, по привлечению инвестиций и сотрудничеству. Также в Москве существует Агентство инноваций города Москвы, которые объединяет бизнес, город и технологические предприятия. Агентство оказывает помощь среднему и малому бизнесу с выводом продуктов на рынок, с решением задач. В целом агентство выступает посредником, который контролирует и развивает взаимодействие инноваций с городом [2].

Несмотря на быстрые темпы развития творческих индустрий, Россия отстает от мировых лидеров включением креативных индустрий в ВВП страны. Это связано с тем, что Россия вступила в постиндустриальную эпоху развития позже, чем большинство Европейских стран, следовательно, темпы развития были медленнее, чем у Запада. Для сравнения, в Великобритании уже в 1998 г. лейбористы коренным образом меняли культурную политику, проводили широкий анализ сфер культурной экономики с целью разработки подходящей стратегии развития. Россия к этому пришла спустя много лет, только 2014 г. термин «креативные индустрии» был впервые упомянут в государственном документе.

На сегодняшний день сохраняются нерешенные проблемы, мешающие креативным индустриям России сделать масштабный «рывок» в развитии. Самым остро стоящим вопросом являлось отсутствие высокого спроса на продукты творческой и интеллектуальной деятельности в перифериях, что стопорит процесс развития

креативного сектора в регионах и увеличивает отток творческих людей в Москву и Санкт-Петербург. К примеру, в Иваново на месте старой текстильной фабрики построили торговый центр вместо того, чтобы превратить ее в креативный кластер или мультимедийный центр, как это сделали бы в Москве. Яркий пример – московская Трехгорная мануфактура, ставшая «домом» для 150 резидентов: штаб-квартир гигантов бизнеса, технологических стартапов, крупных медиа и модных брендов, а также излюбленное место встреч и прогулок горожан, благодаря уникальному сочетанию архитектуры, гастрономии, моды и музыки.

Существует масса эффективных примеров репозиционирования и преобразования территории, благодаря использованию потенциала креативной экономики. Так, например, до конца XX в. Эссен был промышленным городом, известным большим количеством заводов и шахт. В конце века перед городом встал вопрос преобразования из промышленного в постиндустриальный центр. Правительство приняло решение о переходе от традиционной к инновационной экономике в этом регионе. Была принята стратегия по реконструкции существующих зданий в культурные и креативные центры. Угольные шахты и трамвайные депо были преобразованы в культурные центры, театры, клубы. Территория шахты Цольферайн была реорганизована в креативный кластер. С внедрением креативных индустрий в экономику района и благодаря регулярным фестивалям, выставкам, выступлениям на международном уровне, данный объект добавил стабильный доход к городской экономике, сумев сохранить свое культурное наследие и идентичность. В 2010 г. Эссен и вся Рурская область получили статус Культурной столицы Европы [13].

В нынешних условиях города мотивированы развивать свой креативный потенциал и креативную инфраструктуру с целью удержания молодежи в городе, привлечения инвестиций и создания благоприятной среды для креативного класса и внутреннего туристического потока. Так, в малых городах сейчас формируются и открываются креативные кластеры. Ижевск является лидером по развитию креативных индустрий в регионах. Город запустил творческий проект – креативный квартал «Сердце Ижевска» с целью развития креативной экономики в городе. В этом креативном кластере проводятся лекции, выставки, мастер-классы, образовательные программы, которые популяризируют инновации и творчество у горожан. В Коломне ведется активное развитие частных музеев, в Туле активно работают креативные кластеры «Девятка» и «Октава», в Краснодаре функционирует центр современного искусства «Типография».

Геополитическая турбулентность 2022 г. стала драйвером развития отечественного творческого потенциала. Россия столкнулась с необходимостью стремительного замещения импортных товаров и услуг, что невозможно без участия креативных индустрий. В Свердловской области с марта 2022 г. начали разрабатывать проекты импортозамещения в сфере культуры и творчества, фокусируя внимание на развитии музыкальной индустрии, киноиндустрии, моды, ремесел и маркетинга [5].

Концепция преобразования регионов и быстрая реакция на происходящие изменения в мире выступает показателем готовности российских креативных индустрий совершить быстрый скачок в развитии, и признаком готовности правительства максимально этому содействовать. С учетом того, что Россия относительно недавно начала развитие креативных индустрий и все еще отстает от западных стран, уже сейчас мы наблюдаем за позитивными тенденциями. Москва стала передовым, постиндустриальным городом, который привлекает креативный класс, генерирует множество культурных проектов и привлекает зарубежные инвестиции.

Проанализировав динамику развития креативных индустрий в России, можно сказать, что культурные и креативные индустрии способствуют повышению конкурентоспособности экономики страны, благодаря стимулированию инноваций в различных секторах экономики. Ориентация на инновации, технические достижения и вложение государственных средств в стимулирование креатива позволяет расширять и развивать культурную дипломатию, создавать новые инструменты влияния и модернизировать инструменты мягкой силы.

Библиографический список:

1. Абанкина Т. Пространство для будущего // 60 параллель. 2011. №2 (41). С. 35-37.
2. Агентство Инноваций города Москвы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://innoagency.ru/ru/> (дата обращения 10.04.2022).
3. Журавлева Т. Атлас креативных индустрий Российской Федерации / Т. Журавлева, И. Токарев, О. Гай. М.: Агентство стратегических инициатив, 2021. 558 с.
4. Зеленцова Е. Творческие индустрии. Теории и практики / Е. Зеленцова, Н. Гладких. М.: Классика XXI века, 2010. 240 с.
5. Импортозамещение и новые профессии: в Свердловской области начали разрабатывать стратегию развития креативных индустрий [Электронный ресурс] //

Агентство стратегических инициатив. Режим доступа: <https://asi.ru/news/186771/> (дата обращения 12.05.2022).

6. Картотека: креативная экономика [Электронный ресурс] // Научно-образовательный портал IQ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/468958882.html> (дата обращения 01.03.2022).

7. Клоудова Й. Влияние развития креативной экономики на экономически отсталые регионы // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. №5. С. 109-125.

8. Лэндри Ч. Креативный город / Ч. Лэндри; [пер. с англ. В. Гнедовский, М. Хрусталева, М. Гнедовский]. М.: Классика XXI: Ин-т культурной политики, 2006. 397 с.

9. Любимые мегаполисы миллиардеров: 10 городов, где живет больше всего богатейших людей планеты [Электронный ресурс] // Журнал Forbes. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/milliardery-photogallery/397197-lyubimye-megapolisy-milliardero-10-gorodov-gde-zhivet-bolshe-vsego> (дата обращения 10.04.2022).

10. Распоряжение Правительства РФ «Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» от 20.09.2021 N 2613-р [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIxBCjIAtAya8FAVDUfP.pdf> (дата обращения: 27.07.2022).

11. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной культурной политики» от 24.12.2014 №808 [Электронный ресурс] // Президент России. 2014 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 27.07.2022).

12. Хоккинс Дж. Креативная экономика: как превратить идеи в деньги / Дж. Хокинс; [пер. с англ. И. Щербаковой]. М.: Финансовая корпорация Открытие: Классика XXI, 2011. 253 с.

13. Stiftung Zollverein Homepage [Electronic resource]. Available at: <https://www.zollverein.de/> (accessed date: 11.04.2022).

14. Zelentsova E. Creative Industries. Russian Profile / E. Zelentsova, E. Melvil // Creative Industries Agency, Moscow; Institute for Russia and Eastern Europe. Helsinki: Creative Compass Project Publication, 2011. 56 p.

Dubovskaya I. N., Svetosh K. A. **The potential of creative industries as a driver of Cultural Diplomacy in Russia in the XXI century**

The development of creative industries is considered today as a new model of economic growth of cities, regions and countries. Creative industries have a powerful communication potential and every year they increase their influence on broadcasting the country's image abroad, becoming a driver of cultural diplomacy. The authors of the article ask how creative industries are developing in Russia, and what is their role in the new realities. Revealing the topic of the development of creative industries in Russia, the authors give examples of how the state supports the development of the creative economy, what are the goals and measures of support.

Keywords: creative industries, creative economy, cultural diplomacy, creativity

УДК 316

М. С. Дмитренко

Game Studies: становление, эволюция и перспективы новой области научных исследований

Аннотация:

В статье рассматриваются традиционные определения термина «игра» в классическом её понимании и сопоставляются с термином «видеоигра». Кратко обозревается история появления и развития видеоигр за рубежом и в России. Описываются первые попытки изучения видеоигр с точки зрения академических дисциплин. Анализируется Game Studies как новая область научных исследований, её зарождение и развитие как за рубежом, так и в России. Определяются векторы для дальнейшего изучения и развития видеоигр и Game Studies как научного направления.

Ключевые слова: Game Studies, лудология, компьютерная игра, видеоигра, исследование видеоигр.

Об авторе: Дмитренко Михаил Сергеевич, Государственный университет «Дубна», магистр кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: dms32rus@yandex.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, Государственный университет «Дубна», доктор философских наук, профессор факультета социальных и гуманитарных наук, заведующий кафедрой социологии и гуманитарных наук; эл. почта: nbagda@mail.ru

История появления, развития и изучения видеоигр

Игра старше культуры, так как понятие культуры, во всём многообразии своих определений, предполагает человеческое сообщество, тогда как животные не дожидались появления человека, чтобы он научил их играть. Животные играют точно так же, как люди [6, с. 1]. Как писал О. Финк, «игра есть такой основной экзистенциальный феномен, который, вероятно, более всех остальных отталкивает от себя понятие... Игра якобы изначально не расположена к мышлению, она избегает понятия, теряет свою

непринужденность, свою нерушимую импульсивность, свою радостную невинность, когда педант и буквоед хотят набросить на нее сеть понятий. Игра чужда понятию» [10, с. 382].

Й. Хейзинга описывал игру следующим образом: «Игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием «иного бытия», нежели «обыденная» жизнь» [11, с. 41]. С момента зарождения в 1950-х гг. и на протяжении долгого времени видеоигры практически не противоречили традиционному пониманию того, каков есть и чем занят «человек играющий». Это хорошо заметно, например, при попытке использовать по отношению к видеоиграм теоретические построения, предложенные в 1958 г. Р. Кайуа в работе «Les jeux et les hommes» для игр докомпьютерной эпохи [8, с. 114].

Экономические стратегии, ролевые игры, квесты, градостроительные симуляторы, симуляторы традиционных настольных игр (шахмат, покера, нардов) и множество других жанров не сопротивляются описанию в терминах Кайуа. Вышеперечисленные и многие другие игры вполне соответствуют предложенной Кайуа классификации форм игровой активности: состязательности (agon), азарта (alea), подражания (mimicry) и вертиго (vertigo, ilinx). Однопользовательские режимы видеоигр также не были чем-то качественно новым: игры для одного человека (пасьянс и пр.) существовали задолго до видеоигр, хотя были не столь многочисленны [8, с. 115].

Первыми компьютерными играми считаются игры «ОХО» (1952), «Теннис для двоих» (1958), «Spacewar!» (1961), сама же индустрия ведет свой отсчет с 1966 г., с выпуска аркадной игры «Periscope» компанией Sega. С тех пор компьютерные игры развивались и росли совместно с развитием технологий, попутно взаимно обогащаясь [7, с. 18]. Первые видеоигры выпускались на консолях – специальных приставках, т.е. развитие индустрии шло параллельно с развитием информационных технологий. В период 1960-1980 гг. видеоигровая индустрия переживала бурный рост, особенно в технологически развитых странах США, Европы и Японии. Уже тогда стал виден мощный экономический потенциал этой индустрии развлечений [7, с. 18].

История Российских видеоигр началась в СССР в 1984-1985 гг., когда москвич А. Пажитнов разработал первую российскую видеоигру «Тетрис», которая была основана на том, что геометрические фигуры на экране падали, а заполненные игроком ряды исчезали. Эта игра очень скоро стала весьма популярной не только на родине, но и за

рубежом. В 1989 г. Н. Скрипкин создал весьма конъюнктурную по тем временам компьютерную игру «Перестройка». Игрок должен был провести лягушку-«демократа» через болото, перепрыгивая с лилии на лилию, при этом стремясь не утонуть и не быть съеденной другой лягушкой-«бюрократом». Игра пользовалась успехом у потребителей. В 1991 г. российская компания Gamos выпустила успешные логические видеоигры «7 Colors» (1991) и «Цветные линии – Color Lines» (1992). Стартовавшая в том же 1991 г. фирма Nikita в 1990-х выпустила развивающие видеоигры «Вундеркинд», «День рождения», «Анатомик», «Путешествие по Европе», аркадную игру «Охотник на дороге», «Твиггер», «Волшебный сон» и др. Ей удалось выйти на зарубежный рынок, и с 1999 г. переключиться на онлайн видеоигры, сотрудничая при этом с телеканалом ТНТ. С 1993 г. на рынок видеоигр вышла компания «Бука», ставшая не только распространителем игровых приставок Sega, Nintendo, Sony, но и производителем собственных игр [9, с. 137].

Предпосылки появления Game Studies или, как ещё иногда называют данную область исследований, лудологии, возникают в начале XX в. В 1938 г. Й. Хейзинга опубликовал работу «Homo Ludens» («Человек играющий»), посвященную не столько видеоиграм, сколько феномену игры в целом. Однако именно в ней автором были заложены основные принципы, характеризующие игры, которые нашли отражение в современной концепции видеоигр:

- 1) доступ к игре свободен, сама игра и есть проявление свободы;
- 2) игра не является «обычной» или «реальной» жизнью;
- 3) игра отличается от «обычной» или «реальной» жизни как местоположением, так и продолжительностью;
- 4) течение игры и ее смысл заключены в ней самой;
- 5) игра устанавливает порядок и есть порядок;
- 6) игра требует абсолютного и полного порядка;
- 7) игра никоим образом не связана с материальным интересом и не может приносить никакой прибыли [11, с. 45].

Первые же исследования видеоигр относятся к 1980-м гг. Работы тех лет посвящены медиасоставляющей компьютерных игр и их маркетингу (продвижению). Закрепление за новым направлением статуса полноценной дисциплины произошло значительно позже. Процесс формирования лудологии как отдельной научной дисциплины, изучающей видеоигры, проходил в несколько этапов [14, с. 119].

Так, в 1999 г. в Дании появился научный и образовательный центр Center for Computer Games Research. В 2001 г. в свет вышел первый выпуск международного рецензируемого журнала «Game Studies» (название которого и стало впоследствии наименованием целой новой области исследований), изданием которого занимались Лундский Университет (Швеция) и ИТ-университет в Копенгагене. В течение последующих нескольких лет был выпущен ряд других международных научных рецензируемых журналов, посвященных видеоиграм: американские «Games and Culture» и «Eludamos», канадский «Loading...», голландский «International Journal of Role-Playing», польский «Homo Ludens» и британский «The Computer Games Journal». Кроме того, в США было открыто несколько научных центров, занимающихся изучением видеоигр — New York University Game Center при университете Нью-Йорка, MIT Game Lab при Массачусетском технологическом институте, Center for Game Science при Вашингтонском университете [14, с. 119].

Завершающим этапом в формировании Game Studies как академической дисциплины, изучающей видеоигры, стало основание в 2006 г. организации DiGRA (Digital Games Research Association), целью которой стали изучение и популяризация (проведение различных тематических мероприятий) компьютерных игр. В сфере интересов DiGRA находится широкий спектр вопросов и проблем, связанных с видеоиграми: начиная от научных теорий и заканчивая социологическими исследованиями [14, с. 120].

Вслед за созданием DiGRA в 2008 г. на базе Калифорнийского университета в Санта-Крузе была основана еще одна организация — SASDG (Society for the Advancement of the Science of Digital Games). В состав SASDG вошли представители как научной сферы, так и IT-компаний, например К. Фостер, занимающий должность руководителя по связям с университетами в Microsoft. Еще одной организацией, оказывающей значительное влияние на развитие изучения видеоигр, стала HEVGA (Higher Education Video Game Alliance), созданная при поддержке американской ассоциации производителей программного обеспечения и компьютерных игр ESA (Entertainment Software Association). Основная задача HEVGA заключается в создании образовательной платформы, которая подчеркнет культурную, научную и экономическую значимость изучения и применения видеоигр в колледжах и университетах, а также внедрит в академическую систему программы по подготовке квалифицированных кадров [14, с. 120].

Первые попытки научного осмысления и исследования видеоигр как отдельного медиа или культурного феномена учеными из стран СНГ были предприняты в начале 2000-х гг. Вплоть до настоящего времени подавляющее большинство исследований в области компьютерных игр на постсоветском пространстве проводится российскими учеными. Исследователями видеоигр на территории СНГ, например, являются М. Б. Игнатъев, изучающий соотношение видеоигр с актерской игрой, Л. В. Баева, изучающая особенности субкультуры игроков, И. В. Бурлаков, А. Е. Пилюгин и Г. Г. Кузнецов, рассматривающие истоки и содержание феномена видеоигр с позиции психоанализа и выявления архетипов коллективного бессознательного. Большинство работ носит сугубо гуманитарный характер, при этом можно выделить преимущественно два аспекта, в рамках которых проводятся данные исследования: философия и психология [14, с. 120].

Game Studies как новая область научных исследований

Game Studies — молодая и амбициозная область научных исследований. Буквально за одно десятилетие из локальной инициативы сотрудников Копенгагенского университета информационных технологий исследования видеоигр превратились в полноценный интеллектуальный тренд, а сами видеоигры стали объектом ничуть не менее привлекательным и легитимным, чем кино или современное искусство [3, с. 42].

Начало «академической карьеры» игр было положено Копенгагенским университетом информационных технологий, при поддержке которого в 2001 г. стал выходить первый тематический научный журнал «Game Studies». Затем исследования видеоигр распространились по Северной Европе: в 2003 г. в том же университете начал функционировать первый научно-образовательный центр компьютерных игр, тогда же в Финляндии возникла Ассоциация исследователей цифровых игр (DiGRA). К концу десятилетия game studies превратились в глобальный тренд, вышедший за пределы Европы [4, с. 9].

В России об академических исследованиях видеоигр впервые заговорили в 2012 г. Именно тогда независимо друг от друга стали складываться три основных сообщества по изучению видеоигр: одно — сетевое (речь о первом тематическом блоге на русском языке — gamestudies.ru), два других — в Москве и Санкт-Петербурге. Московский и петербургский кружки формировались студентами философских факультетов самых консервативных российских вузов — МГУ и СПбГУ [4, с. 9].

Годом рождения российских game studies следует считать 2013 г., когда Центр медиафилософии СПбГУ провел первую российскую конференцию, посвященную видеоиграм («Компьютерные игры — театр активных действий»). Дни ее проведения (20–22 июня) можно признать датой рождения российских исследований видеоигр. Именно тогда стало ясно, что исследователей в России гораздо больше, чем казалось, и уже начали складываться собственные школы — санкт-петербургская и московская, в итоге обозначившие себя как Лабораторию исследований компьютерных игр (ЛИКИ) и Московский центр исследований видеоигр (Moscow Game Center, MGC) соответственно [4, с. 9].

В исследованиях видеоигровых практик можно условно обозначить несколько направлений: во-первых, это исследования практик внутри видеоигр, будь то поведение игроков в многопользовательских играх или процесс решения головоломок. Во-вторых, исследования практик, осуществляемых посредством видеоигр, например геймификация. В-третьих, исследования видеоигр в качестве социокультурных практик; сюда же можно отнести исследования видеоигр как вида досуга, как вида спорта или же исследования видеоигр как таковых – например, через противопоставление видеоигры как практики (например, геймплей) видеоигре как тексту (например, сюжет). Однако, данные направления не следует считать независимыми [8, с. 114].

Взглянув на видеоигру с социально-философской точки зрения, следует отметить, что элементами, вызывающими интерес к игре, служат не только реалистичная трехмерная графика и иные мультимедийные возможности игрового продукта. Практически каждая видеоигра обладает собственной историей, внутренней логикой и зачастую – выраженным сюжетом. Безотносительно и независимо от качества и эстетики предлагаемого контента, но с определенной долей вероятности всё же можно утверждать, что фактическим элементом привлечения потенциального игрока выступают архетипы персонажей и повествовательные мифологические конструкции (сюжет в целом, история игрового мира, история отдельных персонажей и т.п.) [13, с. 126].

Виртуальное игровое пространство обладает тремя ключевыми характеристиками, определяющими восприятие игры как особой виртуальной реальности:

1. Автономность. Погружение посредством геймплея, сюжета и др. и переключение внимания игрока с реальной предметной повседневности на символическое пространство компьютерной технологии. Использование наушников, виртуальных шлемов и других устройств делает это погружение более полным [12, с. 99].

2. Управление вниманием игрока с помощью организации стимулов игрового пространства. Компьютерная игра – это своеобразная виртуальная среда обитания, со своими правилами, законами и стимулами к действию. Набор стимулов направлен на то, чтобы максимально активизировать внимание игрока и сконцентрировать его на происходящем в виртуальном пространстве. Такими стимулами могут быть: время и темп игры; пространство игрового действия; цели и возможности, предоставляемые игроку; эмоциональная нагрузка и событийная насыщенность; эстетическое влияние на игрока [12, с. 100].

3. Взаимосвязь и взаимообусловленность игровой среды и двигательной-аффективной реакции игроков. То есть, насколько правила игрового мира определяют действия геймеров и какое количество степеней свободы и инициативы им предоставляется. В этом контексте стоит выделить два типа игр, которые условно можно назвать «играми активного вовлечения» и «играми инициативного вовлечения» [12, с. 100].

Игры активного вовлечения предполагают определенный набор стимулов, что постоянно мотивирует игрока продолжать играть. Тем самым компьютерная игра, по сути, конструирует ситуацию, описанную в экспериментах К. Левина, Ж. Пиаже и исследованиях Л. Выготского: сама игровая ситуация прямо побуждает продолжать игровое действие. К опыту такого типа в первую очередь относятся насыщенные графикой и интенсивностью действия игры аркадного типа, шутеры, экшены и пр. [12, с. 100].

Игры инициативного вовлечения носят не непосредственно-предметный, а символический характер. Действие в ситуации, которая разворачивается в воображаемом поле, приводит к тому, что игрок научается определяться в своем поведении не только непосредственным восприятием вещи или непосредственно действующей на него ситуацией, но и смыслом этой ситуации. В играх инициативного вовлечения основной интерес игрока нацелен на интерпретацию происходящего, возможность сотрудничества с другими участниками игрового процесса и творческое достраивание игрового мира. К играм подобного типа относятся текстовые многопользовательские игровые миры, сетевые симуляторы, игры стратегического действия, ролевые игры и пр. [12, с. 100].

С точки зрения юриспруденции, право может налагать ограничения на реализацию творческих замыслов разработчиков компьютерных игр, а может предоставлять им новые возможности за счет институционализации бывших ранее нереализуемыми на практике

форм взаимодействия. И право, и правила игры представляют собой формальные системы, а нередко — и формальные модели социальной жизни. Можно сказать, что и в основе юридической логики, и в основе игровой механики лежит один и тот же принцип, основанный на разного рода формализованных алгоритмах [1, с. 220].

При разработке виртуального мира с этой точки зрения всегда возникает дилемма — какое «регулирование» оставить на уровне кода, а какое вынести на уровень виртуальных социальных отношений между игроками. Например, в работе американского юриста Л. Лессига «Лошадиное право: какой урок может преподнести киберправо», «самобытность» предмета интернет-права, или «киберправа», обосновывается в том числе тем, что только в этой области может быть полноценно изменены сами принципы архитектуры регулируемого пространства — подход, невозможный в реальном мире, в котором законы физики неподвластны законодательству. Именно такой подход чаще всего и прослеживается в онлайн играх, особенно если речь идет об отношениях, складывающихся вокруг «виртуальной» собственности. Например, в крупных коммерческих проектах — «Everquest II», «World of Warcraft» и т. п. — в большинстве случаев данные отношения регулируются на уровне кода. Иными словами, игроки не могут изменить данное правило и не могут его не соблюдать в виртуальном мире — это главное, но принципиально единственное отличие норм «виртуального права» (правил игры) от «реальных» правовых норм [1, с. 222].

Теория другого классика англоязычной юриспруденции, Г. Харта, предполагает, что в юридическом разрезе общества существует две группы норм, условно называемые первичными и вторичными. Первичные нормы регулируют правила поведения с субстанциальной точки зрения — это нормы материального права, предусматривающие правила поведения как таковые (императивные нормы, определяющие обязательный вариант поведения, и диспозитивные нормы, предусматривающие правило поведения на случай, если стороны сами не установили иное в допустимых пределах). Вторичные нормы — это правила признания, правила изменения и правила суда. Правила признания определяют порядок легитимации всех правовых текстов, например то, что обязательными для всех являются только те тексты, которые приняты представительным органом в установленном порядке. Правила изменения устанавливают порядок внесения изменений в существующую правовую систему таким образом, чтобы эти изменения также были легитимными. Правила суда определяют порядок разрешения юридических конфликтов [1, с. 223].

Таким образом, в теории и философии права лежит гигантский нереализованный потенциал для гейм-дизайна. Создание компьютерной игры или виртуального мира само по себе можно рассматривать как своего рода создание правовой системы внутри уже существующей правовой системы, от которой она зависит [1, с. 224].

Если же анализировать видеоигру с точки зрения литературы, то можно заметить, что компьютерная игра воплощает в себе текстуальные характеристики (сюжет, описания предметов, задания и т.п.), порождая вербальные структуры (диалоги, реплики, фразы и т.п.) с целью создания эстетического эффекта. Так, например, согласно Й. Аарсет, компьютерная игра является разновидностью текста и имеет ряд общих черт с литературными текстами, а именно:

- 1) вся литература в каком-то роде оказывается неопределенной, нелинейной и в разной степени предстает для разных читателей;
- 2) читатель должен сделать выбор для придания тексту смысла;
- 3) текст по своей сути не может быть нелинейным, так как читатель может прочесть его только лишь в одной последовательности [5, с. 68].

Направленность использования видеоигр в современной социальной действительности

Видеоигры сегодня – это не только развлечение, они активно применяются при обучении языкам, истории, географии, искусству, естественным наукам. Однако широкую аудиторию привлекает в видеоиграх именно интерактивное развлечение, зрелищность, увлекательность сюжетов [9, с. 141]. В духе постмодернистских тенденций современные видеоигры вобрали в себя практически весь зрелищный арсенал сказок и мифов, комиксов, жанрового кинематографа (экшен, фантастика, триллер, детектив, комедия, мелодрама, эротика и пр.). При этом «служебная роль мифологического» в современных компьютерных играх как скрытого языка бессознательного роднит их со стилистикой сновидения. Отсюда – все большая популярность психоаналитических трактовок игр, основанных на отождествлении естественной виртуальности сновидений с массово-рыночными версиями виртуализации сознания [9, с. 142].

Важный аспект, связанный с видеоиграми – их социальная коммуникативность, возможность играть в группе, обмениваться информацией о видеоиграх в сетях, форумах, чатах. Для видеоигровой коммуникации характерно:

– разнообразие форм виртуального мира, копирующих реальный мир или погружающих игрока в мир фантастики, что побуждает развитие творческого мышления, деятельности;

– обратимость действий, совершаемых в виртуальной среде, избавляющая человека от страха совершить ошибку;

– анонимность людей, вступающих в добровольное геймерское общение в соцсетях, которая соблюдается настолько, насколько это приемлемо для них [9, с. 142].

Среди основных свойств виртуальной культуры видеоигр (как продукта глобализации) можно отметить:

– объединение людей в новые субкультуры, формы общения;

– формирование новых типов отношений, характеризующихся многополюсностью, демократичностью, широкой социальной и культурной дифференциацией;

– психологическую, творческую свободу проявления человека в виртуальной среде;

– активное использование возможностей, которых нет у человека в реальной жизни [9, с. 142].

Видеоигры способны развивать следующие способности человека:

– навыки работы с трехмерными и двухмерными пространствами;

– внимание (селективность и распределение);

– объем рабочей памяти;

– логическое и стратегическое мышление (в играх определенных жанров);

– пространственное мышление.

Чаще всего геймеры принимают взвешенные, обдуманые решения, но также готовы идти на риск, что может быть полезно в бизнесе [9, с. 142].

Современная компьютерная игра может стать связующим звеном между студентами и преподавателями, сократить культурный, в том числе образовательный, «разрыв» между новыми «цифровыми» поколениями и поколениями, становление которых происходило в «докомпьютерную эру». Практика компьютерной игры позволяет получить универсальные навыки, например, ускорить адаптацию к различным интерфейсам. Очевидно, что сообщество геймеров гораздо быстрее овладевает новыми программами, лучше ориентируется в ресурсах глобальной сети и в целом представлено более опытными пользователями персональных компьютеров и мобильных устройств, чем люди, не вовлеченные в компьютерные развлечения. Ознакомление преподавателей с

компьютерными играми также повысит их пользовательский уровень и позволит понять, чем увлекаются студенты, какой «контент» может вызвать неподдельный интерес аудитории и стать системообразующим элементом методики edutainment («игразование») [2, с. 324].

Непринужденная, неформальная атмосфера общения в игровой реальности и даже по поводу игровой реальности позволяет в значительной мере устранить социально-психологические барьеры между преподавателями и студентами, снизить уровень отчуждения. Стремление преподавателя разделить интересы и увлечения студентов, говорить с ними на языке интернет-культуры, игровой культуры заслуживает уважения. Не следует забывать и о том, что личный авторитет преподавателя есть важнейший фактор, определяющий и восприятие учебного материала, и результаты обучения [2, с. 324].

«Игразование» в целом является концепцией, соответствующей ускоряющемуся развитию современного общества, стремительной смене социальных структур и технологических укладов производства, быта и т. д. В условиях техногенной цивилизации требования к квалификации таковы, что педагогическая наука исходит из необходимости обучения на протяжении всей жизни специалиста. Соответственно, от человеческой психики требуются большая пластичность, восприимчивость, детская открытость новым знаниям — эти качества обеспечиваются, прививаются и воспроизводятся игровыми практиками, в том числе использованием методик edutainment в образовании. В то же время для новых поколений наиболее значимы, доступны и привлекательны игры не «во дворе», а в виртуальной реальности, в игровых вселенных, создаваемых с помощью технологий связи, хранения и обработки данных [2, с. 324].

Таким образом, представляется возможным выявить несколько серий популярных видеоигр, содержание игрового процесса которых будет соответствовать и отражать область применения в образовательной деятельности. Например, всемирно известная серия игр «Total War» (2000-наст. вр.) может быть полезна при изучении всеобщей истории, военной истории Древней Греции и Рима, а также философии войны. Серия «S.T.A.L.K.E.R.» (2007-2009 гг.) от украинских разработчиков из «GSC Game World» применима для изучения философии (а именно таких её направлений, как футурология и философская антропология), экологии и безопасности жизнедеятельности. А серия игр «BioShock» (2007-2013 гг.) от небезызвестного К. Левина использоваться в изучении

философии, философской антропологии, этики и политологии. Примеров подобного применения видеоигр в образовании ещё очень много [2, с. 325].

Наиболее перспективными направлениями в изучении и развитии концепции «игроизации» представляются следующие:

— сравнительные исследования традиционных (докомпьютерных) методик обучения с edutainment-методиками, основанными на использовании приложений;

— разработка новых edutainment-методик на основе специализированных приложений;

— разработка виртуальной образовательной среды, которая будет выполнять функции игрового и обучающего приложения в виртуальных пространствах (в том числе с использованием технологии VR), библиотеки, сети для обмена данными, платформы для конференций и дистанционного обучения [2, с. 326].

Описанная выше концепция «Edutainment» («Играования») - одна из немногих, которая позволит развивать и проводить исследования в рамках Game Studies в дальнейшем. Также за последние несколько лет исследования в рамках Game Studies в целом набирают обороты.

Недавно к исследованиям в области видеоигр (помимо уже существующих в СПбГУ Лаборатории исследований компьютерных игр (ЛИКИ) при Центре медиафилософии и Moscow Game Center (MGC) при кафедре философии МГУ им. Ломоносова) подключился Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). Весной 2016 г. на базе РГГУ при участии Московского центра исследований видеоигр прошла общероссийская научная конференция «Религия и мифология в видеоиграх», а также было организовано два семинара «Видеоигры и гендер», основной темой которых стала сексуальная объективация в виртуальной реальности, выражающаяся визуально, нарративно и поведенчески (пользователями). В декабре 2016 г. в МГУ состоялась конференция «Как философствовать видеоиграми?», в рамках которой были представлены доклады, посвященные философским идеям, представленным и реализованным в серии игр «Metal Gear», «Bioshock», моральному выбору в играх жанра RPG и истории, как она показана в стратегиях в реальном времени, т. е. к философии и психологии в изучении видеоигр присоединилась также и культурология. В свою очередь, вопросы из области создания видеоигр до сих пор остаются мало изученными учеными из стран СНГ [14, с. 121].

Таким образом, видеоигры — сложный объект, всестороннее исследование которого не может быть исчерпано методами и средствами одной отдельно взятой отрасли научного знания. Являясь по существу новой формой искусства, видеоигра представляет собой и особенным образом функционирующий текст, и интерактивное кино, и цифровое медиа. В рамках исследования видеоигр можно анализировать визуальный ряд, историю (сценарий) и игровую механику, можно изучать программный код и техническую спецификацию (ведь любая видеоигра — это компьютерная программа) [14, с. 121].

Сложность и многозначность игры как объекта научного изучения диктуют необходимость проведения исследований на стыке различных научных дисциплин и требуют соединения теории и практики. Только использование комплексных научных подходов позволит наиболее адекватным образом оценить заложенные в играх идеи и то влияние, которое они оказывают на жизнь отдельного человека, на общество и на современную культуру [14, с. 121]. Game Studies продолжают. И если говорить языком геймеров, то исследования видеоигр — это многопользовательская игра с открытым миром и огромным пополняемым арсеналом инструментов, в которую можно играть вечно, так как невозможно пройти до конца [3, с. 58].

Библиографический список:

1. Архипов В. Правила игры как нормативная система или что общего между юриспруденцией и гейм-дизайном // Логос. 2015. Т. 25. №1. С. 214-225.
2. Векленко П. В. Методика Edutainment: интеграция неспециализированных игровых приложений в учебную деятельность // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. №3 (86). С. 322-328.
3. Ветушинский А. С. To Play Game Studies Press the START Button // Логос. 2015. Т. 25. №1 (103). С. 41-60.
4. Ветушинский А. С. Game Studies в России: год восьмой / А. С. Ветушинский, А. С. Салин // Социология власти. 2020. Т. 32. №3. С. 8-13.
5. Гаврилов В. В. Специфика нелинейного сюжетопостроения в компьютерно-игровом пространстве // Филологические науки. Вопросы теории и права. 2017. №8 (74) в 2 ч. Ч. 1. С. 67-69.
6. Кириллова Д. С. Искусство игры // Общество: философия, история, культура. 2016. №2. С. 30-32.

7. Николаев Н. И. История видеоигровой индустрии: первый кризис / Н. И. Николаев, И. В. Николаева // *Magyar Tudományok Journal*. 2019. №36. С. 18-21.
8. Подвальный М. А. Интерактивность и интерпассивность геймеров в видеоигровых практиках // *Вестник РГГУ. Серия «История, Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2018. №8 (21). С. 112-133.
9. Федоров А. В. Краткая история компьютерных игр в России // *Российский журнал истории, теории и практики медиапедагогики*. 2013. №4. С. 137-148.
10. Финк О. Основные феномены человеческого бытия / пер. с нем. А. В. Гараджа, Л. Ю. Фуксон. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». 2017. 432 с.
11. Хёйзинга Й. *Homo Ludens. Человек играющий* / пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. 2011. 416 с.
12. Царева А. В. Особенности конструирования опыта участников компьютерных игр в социологической перспективе // *Дискуссия: журнал научных публикаций*. 2016. №8 (71). С. 97-102.
13. Шкаев Д. Г. Мифологические аспекты цифровой культуры на примере современной игровой индустрии // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3, Философия: реферативный журнал*. 2018. Т. 4. №34. С. 123-129.
14. Шпаковский Ю. Ф. Разработка видеоигр: проблемы современных исследований / Ю. Ф. Шпаковский, М. Д. Данилюк // *Труды БГТУ*. 2017. Серия 4. №1. С. 118-122.

Dmitrenko M. S. Game Studies: formation, evolution and prospects of a new field of scientific research

The article discusses the traditional definitions of the term "game" in its classical sense and compares it with the term "videogame". The history of the appearance and development of video games abroad and in Russia is briefly reviewed. The first attempts to study video games from the point of view of academic disciplines are described. Game Studies is analyzed as a new area of scientific research, its origin and development both abroad and in Russia. The vectors for further study and development of video games and Game Studies as a scientific direction are determined.

Keywords: Game Studies, ludology, computer game, videogame, videogame research